

LE MESSENGER

ВѢСТНИКЪ

РУССКАГО СТУДЕНЧЕСКАГО
ХРИСТІАНСКАГО ДВИЖЕНІЯ

V-VI-МАЙ-ІЮНЬ-1933.

ПАРИЖЪ

ВѢСТНИКЪ

(ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1933 ГОДЪ.

Т е м ы « В Ѣ С Т Н И К А » :

Духовная жизнь и ея правильное устроение.

Церковь, ея значеніе и мѣсто въ личной жизни и культурно-національномъ строительствѣ.

Россія, ея судьбы и наши задачи.

Христіанство и Культура.

Молодежь и ея судьбы.

«ВѢСТНИКЪ» органъ борьбы за православное міросозерцаніе и православную культуру.

«ВѢСТНИКЪ» органъ творческой встрѣчи старшаго и младшаго поколѣній въ борьбѣ за цѣльную жизнь.

«ВѢСТНИКЪ» постоянно даетъ документальныя свѣдѣнія о жизни Совѣтской Россіи.

Особое вниманіе удѣляется матеріаламъ, относительно положенія въ Сов. Россіи религіи и жизни сов. молодежи.

«ВѢСТНИКЪ» проситъ друзей - читателей содѣйствовать широкому распространенію нашего журнала и принять активное участіе въ кампаніи по привлеченію новыхъ подписчиковъ.

Кампанія подписки на «Вѣстникъ» продолжается.

Пробныя №№ бесплатно. Обращаться въ редакцію и къ представителямъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е № 5-6 (1933)

Изъ твореній Св. Іоанна Златоуста	3
Проблема христіанскаго искусства. Запись доклада В. В. Вейдле	5
Націонализмъ. Запись доклада Г. П. Федотова	8
Н. Ф. Федоровъ. — Жизнь и ученіе	17
Шагай, новый человѣкъ. (Сов.Высшая школа).—(Окончаніе). И. А. Лаговскій	23
Среди книгъ и журналовъ. — Путь № 37. — Фома	28
Конференція старшаго отдѣленія «Витязей»	30

РУССКОЕ СТУДЕНЧЕСКОЕ ХРИСТИАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ЗА РУБЕЖОМЪ ИМѢЕТЪ СВОЕЮ ОСНОВНУЮ ЦѢЛЮ ОБЪЕДИНЕНІЕ ВѢРУЮЩЕЙ МОЛОДЕЖИ ДЛЯ СЛУЖЕНІЯ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ПРИВЛЕЧЕНІЕ КЪ ВѢРѢ ВО ХРИСТА НЕВѢРУЮЩИХЪ. ОНО СТРЕМИТСЯ ПОМОЧЬ СВОИМЪ ЧЛЕНАМЪ ВЫРАБОТАТЬ ХРИСТИАНСКОЕ МІРОВОЗЗРѢНІЕ И СТАВИТЬ СВОЕЮ ЗАДАЧЕЙ ПОДГОТОВЛЯТЬ ЗАЩИТНИКОВЪ ЦЕРКВИ И ВѢРЫ, СПОСОБНЫХЪ ВЕСТИ БОРЬБУ СЪ СОВРЕМЕННЫМЪ АТЕИЗМОМЪ И МАТЕРІАЛИЗМОМЪ.

Изъ твореній Св. Іоанна Златоуста.

ПРОПОВѢДЬ ЖИЗНЬЮ.

Прежде словъ мы (христіане) должны поражать невѣрующихъ своею жизнью — ибо она есть великое оружіе. Неопровержимое доказательство есть доказательство отъ дѣлъ: на словахъ, сколько бы ни разсуждали съ ними, но если жизнь наша не лучше ихъ жизни, то не будетъ никакой пользы. Ибо они обращаютъ вниманіе не на слова, а испытываютъ дѣла наши и говорятъ: ты прежде убѣдись въ истинѣ словъ своихъ и тогда убѣждай другихъ. Если ты говоришь, что безчисленныя блага ожидаютъ насъ въ будущей жизни, а самъ поступаешь такъ, какъ если бы ихъ не было, прилѣпляясь къ благамъ настоящимъ, то дѣла твои для меня сильнѣе словъ. Когда я вижу, что ты похищаешь собственность другихъ, безмѣрно скорбишь объ умершихъ и грѣшишь во многомъ другомъ, то, какъ я повѣрю тебѣ, что есть воскресеніе?

Вотъ, что препятствуетъ невѣрнымъ сдѣлаться христіанами.

ДОЛГЪ ПОСТОЯННОЙ ПРОПОВѢДИ О ХРИСТѢ.

Будемъ уловлять ихъ жизнью, изъ душъ ихъ созидать Церковь, и собирать такое богатство. Ничто не можетъ сравняться съ душой, даже цѣлый міръ. Хотя бы ты роздалъ бѣднымъ безчисленныя богатства, ты не сдѣлаешь столько, сколько обратившій одну душу.

«Если изведешь честное отъ недостойнаго, будешь какъ мои уста», говоритъ Господь (Іереміи, 15, 19). Великая добродѣтель оказывать милосердіе бѣднымъ, но не такова, какъ избавить кого либо отъ заблужденія, ибо, кто дѣлаетъ это, тотъ уподобляется Петру и Павлу (апостоламъ). Подлинно, можемъ и мы участвовать въ проповѣди ихъ, оказывая ревностное усердіе къ тому.

Можно и сидя дома, совершать это дѣло. Кто имѣетъ друга, родственника, домашнихъ, пусть дѣлаетъ съ ними это, пусть говоритъ имъ это и уподобится Пе-

тру и Павлу. Что я говорю — Петру и Павлу? Будетъ устами Христовыми... Если ты не можешь обратить сто чело-вѣкъ, постарайся обратить десять; если не можешь десяти, не пренебрегай и пя-тью; если не можешь и пяти, не презри одного; если не можешь и одного, и тогда не унывай и не оставляй дѣлать то, что можешь.

СОБСТВЕННОСТЬ И БОГАТСТВО.

Не говорю, что имѣть богатство — грѣхъ. Но грѣхъ не раздѣлять его бѣд-нымъ и худо пользоваться имъ. Богъ не сотворилъ ничего худого, но вся «добра зѣло» (прекраснымъ). Слѣдовательно, и богатство — добро, но тогда, когда оно не господствуетъ надъ имѣющимъ его, когда оно избавляетъ ближнихъ отъ бѣд-ности.

Слова «мое», «твое» суть только пу-стыя слова, а на дѣлѣ не то.

Если ты назовешь своимъ домъ, это пустое слово... ибо Творцу принадлежить и воздухъ, и земля, и вещество, и ты самъ, построившій домъ, и все прочее. Если же онъ въ твоёмъ употребленіи, то и это невѣрно не только потому, что тебѣ угрожаетъ смерть, но и въ силу непосто-янства вещей. Душа твоя — не твоя: какъ же имущество твое?... Не говори: «я из-держиваю свое и наслаждаюсь своимъ». Это не твое, а чужое. Говорю: чужое, по-тому, что ты самъ такъ хочешь. Богъ же-лаетъ, чтобы то, что вручено тебѣ для братій, сдѣлалось твоимъ. Чужое дѣлает-ся твоимъ, когда ты употребляешь его на другихъ. А когда воздержно упо-требляешь на себя, тогда твое дѣлается чужимъ.

Ты не имѣешь состраданія и говоришь, что по праву употребляешь свое только для своего наслажденія. Посему я гово-рю, что оно чужое. Ибо все твое есть общее — для тебя и твоего ближняго,

какъ общее солнце, и воздухъ, и земля и все прочее».

ПОПЕЧЕНІЕ О БЛИЖНИХЪ.

«Ничѣмъ ты не можешь столько подра-жать Христу, какъ попеченіемъ о ближ-нихъ. Постишься ли ты, спишь ли на зем-лѣ, изнуряешь ли себя, но если ты не пе-чешься о ближнихъ, то не дѣлаешь ни-чего важнаго, и при всемъ томъ — далеко отстоишь отъ образа (Христа).

Если ты, братъ, остаешься безъ пищи, спишь на землѣ, ѣшь пепель, постоянно вздыхаешь, но не оказываешь никакой пользы другимъ, то не дѣлаешь ничего важнаго».

«Мы (христіане) сдѣлались изнѣжен-нѣе всѣхъ, прилѣпившись къ настоящей жизни. Если и найдется челоуѣкъ, имѣю-щій въ себѣ, хотя нѣсколько древняго любомудрія (вѣрности ученію Христа), то онъ, оставляя горда и торжища, не же-лая обращаться съ людьми и исправлять другихъ, удаляется въ горы. И если кто спроситъ его о причинѣ удаленія, то онъ даетъ отвѣтъ неодобрительный: я, гово-рять, удаляюсь для того, чтобы не погу-бить себя и не сдѣлаться неспособнымъ къ добродѣтели. Но не лучше ли тебѣ быть не столь добродѣтельнымъ и достав-лять другимъ пользу, нежели пребывать на высотѣ и съ презрѣніемъ взирать на погибель братій? Если же одни не радятъ о добродѣтели, а другіе, пекушіеся о ней, удаляются изъ строя, то какъ мы будемъ побѣждать враговъ нашихъ?»

ВЕЛИКАЯ ЦѢННОСТЬ МИРА.

Миръ — есть источникъ всѣхъ благъ: онъ приноситъ съ собою радость. Поэто-му то и Христосъ заповѣдалъ апостоламъ, входя въ дома, тотчасъ произносить сіи слова, какъ бы символъ всѣхъ благъ.

«Входя въ домъ, — говоритъ Онъ, — говорите: миръ вамъ» (Матв. 10, 12),

ибо безъ него ничто не имѣетъ цѣны. И опять Онъ говоритъ ученикамъ: «миръ оставляю вамъ, миръ мой даю вамъ» (Іоанна 13, 27), потому что имъ обуславливается и самая любовь. И предстоятель церкви не просто говоритъ: «миръ вамъ», но — «миръ всѣмъ». Ибо, какая польза намъ съ однимъ имѣть миръ, а съ другимъ ссориться и враждовать.

Миръ есть столь велико благо, что тѣ, которые водворяютъ и поддерживаютъ его (между людьми), называются сынами Божиими. И справедливо: и самъ Сынъ Божій пришелъ на землю умиротворить земная и небесная. Если же миротворцы суть сыны Божіи, то возмутители — сыны Діавола, которые радуются злу и съ большею жестокостью терзаютъ тѣло Христова, чѣмъ войны, прободшіе его копьемъ, чѣмъ Іудеи, пронзившіе его гвоздями; то зло меньше, чѣмъ это. Тамъ члены, бывъ растерзаны, снова совокупились, а эти будучи отторгнуты, если здѣсь не соединятся между собою, никогда не будутъ соединены, а останутся внѣ цѣлаго, т. е. Церкви. Когда ты хочешь завести ссору съ братомъ, вспомни, что ты возстаешь противъ членовъ Христовыхъ и укроти свой гнѣвъ. Что тебѣ до того, если это человѣкъ нетерпимый и низкій,

что нужды, если это человѣкъ презрѣнный? Для него Богъ сдѣлался даже рабомъ и подвергся закланію: а ты считаешь его за ничто. Черезъ это ты возстаешь противъ Бога, возвышая голосъ на перекомъ ему.

Предстоятель церкви, какъ только входитъ, сейчасъ же говоритъ: «миръ всѣмъ»; когда начинаетъ бесѣду, говоритъ «миръ всѣмъ»; когда повелѣваетъ принести другъ другу цѣлованіе (разумѣется, взаимное цѣлованіе вѣрующихъ во время литургіи вѣрныхъ), говоритъ «миръ всѣмъ», когда совершится жертва (безкровная) — «миръ всѣмъ», и во время совершенія также: «благодать вамъ и миръ». Не правда ли, послѣ этого, что мы неразумно поступаемъ, если столько разъ слыша (напоминаніе объ обязанности) имѣть миръ между собою, мы враждуемъ другъ противъ друга, если, и сами принимая миръ, и другимъ преподавая миръ, возстаемъ противъ того, кто подаетъ намъ миръ. Ты говоришь «и духови твоему», а выйдешь (изъ церкви) и начинаешь обносить его клеветой. Увы, то, что особенно и дорого въ церкви, стало однимъ внѣшнимъ обрядомъ, а не настоящимъ дѣйствіемъ. Увы, все отличіе этого воинства (т. е., церкви) остается въ однихъ словахъ».

Проблема христіанскаго искусства.

(Конспективная запись доклада В. В. Вейдле).

Проблему религіознаго искусства вообще и религіознаго искусства христіанской эры въ частности лучше всего можно понять, если обратиться сперва къ такой эпохѣ, для которой этой проблемы вообще не существуетъ. Религіозное искусство западнаго и восточнаго христіанства въ теченіе долгихъ вѣковъ вполнѣ

господствуетъ надъ свѣтскимъ, и въ эту эпоху для него то самое религіозно, что и художественно. Религіозная стихія (мы ограничимся для краткости областью пластическихъ искусствъ) выражается не только въ тематическомъ содержаніи (изучаем. иконографіей), но и въ самой формѣ худо-

жественныхъ произведеній. Вотъ почему формально-стилистическія, кажущіеся на первый взглядъ только внѣшними различія между западнымъ и восточнымъ христіанскимъ искусствомъ, вполнѣ отвѣчаютъ внутреннимъ различіямъ, противопоставляющимъ самое христіанство Востока христіанству Запада.

Высшее созданіе западной христіанской архитектуры, — готическій храмъ — преодолеваетъ земное тяготѣніе, превращая зданіе въ систему вертикально устремляющихся силъ. Въ противоположность этому византійскій купольный храмъ, отрицая и тяготѣніе, и усиліе, замыкаетъ гармоническое пространство полукруглымъ небомъ легко покоящагося на своихъ устояхъ купола. Идея Реймскаго собора — устремленіе къ небу; идея константинопольской св. Софіи — духовное пребываніе на небесахъ. Идейное содержаніе выражается, какъ видимъ, въ самой архитектурной формѣ зданія. Точно также и въ изобразительныхъ искусствахъ оно имѣетъ возможность сказаться не только въ иконографическихъ ихъ особенностяхъ. Католическое и православное изобразительное искусство, коренятся оба въ искусствѣ античномъ, основаномъ на принципѣ: «человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей», причемъ человѣкъ понимается здѣсь какъ неразрывное душевно-тѣлесное единство. Католическій и православный художникъ оба стремятся (хотя бы и не вполнѣ сознательно) замѣнить этого душевно-тѣлеснаго человѣка человѣкомъ духовнымъ, но избираютъ къ этой цѣли разные пути. Въ западномъ искусствѣ формы человѣческаго тѣла выразительно деформируются, ломаются (см. миниатюры X-XII вѣка, рельефы и статуи романскихъ храмовъ), органическое единство разрушается, дабы сквозь него могъ прорваться духъ. Восточное христіанское ис-

кусство къ этимъ приемамъ не прибѣгаетъ; оно остается вѣрнымъ не столько античности вообще, сколько именно греческой евритміи и гармоніи. Оно не насилуетъ тѣла, а лишь дѣлаетъ его невѣсомымъ, прозрачнымъ, едва задѣвающимъ вниманіе такъ, что бы духовная сущность могла его безпрепятственно просквозить. Отсюда затушеванность собственно драматическихъ и повѣствовательныхъ элементовъ въ православной иконописи и, наоборотъ, сперва линейно-выразительный, формальный, а потомъ и повѣствовательный драматизмъ западно - христіанскаго искусства. Отсюда же и почти полное исчезновеніе изобразительной скульптуры въ православномъ искусствѣ, пугающемъ ея чрезмѣрной выпуклости и конкретности, и возможность ея въ западномъ средневѣковомъ искусствѣ, гдѣ органическія ея формы подвергаются выразительному искаженію.

Эти различія художественнаго стиля легко связать съ различіями стиля религіознаго, а эти послѣднія въ свою очередь подчинить догматическимъ расхожденіямъ западной и восточной церкви. Что же это доказываетъ? Это доказываетъ, что эстетическое непосредственно (а не при посредствѣ, наприкладъ, морали или тѣхъ или иныхъ церковныхъ темъ) связано съ религіознымъ, непосредственно вытекаетъ изъ религіознаго. (Не слѣдуетъ смѣшивать эстетическаго съ «эстетизмомъ»: эстетизмъ также относится къ искусству, какъ ханжество къ религіи). Однако непосредственная эта связь искусства и религіи не вездѣ, и не всегда въ равной мѣрѣ, осуществляется на дѣлѣ въ имѣющемся налицо въ данную эпоху художественномъ творествѣ и художественномъ сознаніи. Показателемъ полнаго ея осуществленія слѣдуетъ признать цѣлостный стиль проникнутый церков-

нымъ содержаніемъ (византійское и древне-русское искусство, искусство западнаго средневѣковья). Не вполне, но все же еще въ значительной мѣрѣ осуществляется эта связь при господствѣ цѣлостнаго художественнаго стиля, уже отрывающагося или уже оторвавшагося отъ церкви (западное искусство XIV-XVIII в. в.). И наконецъ связь эта окончательно грозитъ нарушиться при отсутствіи цѣлостнаго стиля, при анархической разобщенности творчества отдѣльных художниковъ (все европейское искусство XIX вѣка и нашего времени). Замѣтимъ, что полнѣ аналогичныя стадіи можно установить въ развитіи нравственнаго сознанія (мораль, отрывающаяся отъ религіи и индивидуалистическое и релятивистическое разложеніе морали).

Пояснимъ эту схему. Что такое стиль? Стиль есть надличное предопредѣленіе личнаго художественнаго творчества, предопредѣленіе осуществляющееся не извне, а изнутри и потому не нарушающее свободы этого творчества. Стиль, другими словами, есть воплощенная въ искусствѣ соборность. Стиля нельзя искусственно «сдѣлать», а потому нельзя его и заказать; всякій заказъ, все равно личный или социальный — только поведетъ къ подмѣнѣ стиля стилизаціей, а соборности коллективизмизмъ. Цѣлостный стиль не можетъ являться результатомъ хотя бы и очень большого числа направленныхъ къ общей цѣли усилій; онъ есть лишь внѣшнее обнаруженіе соборности творчества, т. е. внутренней согласованности душъ, такого сверхразумнаго, духовнаго ихъ единства, смыслъ котораго открывается только въ религіи. Стиль, какъ и соборность, есть поэтому явленіе религіознаго порядка, даже если искусство, объединяемое имъ, лишено церков-

наго содержанія. Стиль Возрожденія, или барокко, даже обмірщеннаго искусства невѣрующихъ художниковъ, даетъ нѣкое проистекающее въ конечномъ счетѣ изъ религіознаго источника, соборное оправданіе личнаго творческаго акта. Религіозный геній Микель-Анджелло или Рембрандта находитъ въ стилѣ своей эпохи необходимую опору религіозно-художественному своему творчеству. Но и художникъ, совершенно чуждый религіознаго вдохновенія и религіозныхъ темъ, въ этомъ же стилѣ черпаетъ то цѣлостное видѣніе міра, которое все же проистекаетъ изъ религіи. Лишь въ безстильных времена, наступившія съ XIX вѣка, онъ этой все еще религіозной опоры лишается окончательно. Теперь онъ принужденъ выискивать наугадъ въ болѣе или менѣе далекомъ прошломъ тѣ образцы, ту традицію, безъ которой искусство вообще не можетъ существовать. Иногда это ему удается, чаще нѣтъ; вообще же искусство существуетъ сейчасъ лишь въ порядкѣ каждый разъ новаго, для cadaго художника, для cadaго новаго произведенія занова совершаемаго чуда.

Исчезновеніе цѣлостнаго стиля и соборности творчества въ современномъ мірѣ не привело къ созданію какого то новаго, якобы вполне безрелигіознаго искусства, а только поставило всегдашнее, по природѣ своей неизмѣнное искусство въ небывало трудныя условія существованія. По мѣрѣ того, какъ искусство внутренне отрывается отъ религіи, оно перестаетъ быть искусствомъ, оно разлагается, оно умираетъ. Поскольку же искусство еще есть, оно, хотя бы и тончайшей нитью, остается связаннымъ съ религіей. Это видно хотя бы изъ того, что, говоря объ искусствѣ, пусть даже и современномъ, мы вынуждены примѣнять понятія и образы религіознаго происхожденія. Мы говоримъ о воплощеніи

замысла художника, о преобращеніи міра въ его картинѣ. Если замыселъ не воплощенъ, значить изъ картины ничего не вышло; если художникъ міра не преобразилъ, значить онъ просто подсунулъ намъ механическую его копію. Внутренняя структура — живая ткань всякаго художественнаго произведенія глубоко антиномична и покоится на томъ самомъ совмѣщеніи противоположностей, которое является основой всякаго религіознаго мышленія, и высшее свое выраженіе получаетъ въ христіанской догмѣ. Если противоположности не совмѣщены, художественное произведеніе распадается на составныя части; если онѣ не достаточно противоположны, оно оказывается вялымъ и немощнымъ. Однимъ изъ частныхъ случаевъ этого совмѣщенія, или лучше сказать его вѣнцомъ, нельзя не признать то сліяніе необходимости и свободы, предопредѣленія и вольнаго выбора, которое мы усмотрѣли въ подлинномъ стилѣ и подлинной соборности. Самое понятіе цѣлостности, наконецъ, безъ котораго невозможно и подойти къ пониманію искусства, есть понятіе, недоступное вычисляющему разсудку и от-

крывающееся до конца только религіозному сознанію.

Изъ всего изложеннаго слѣдуетъ, что проблема христіанскаго искусства есть проблема искусства вообще. Мы видимъ, что искусство вѣками могло существовать безъ видимой, наружной связи съ религіей. Но безъ внутренней, пусть художникомъ несознаваемой, связи съ ней искусство жить не можетъ. Исчезновеніе стиля угрожающе ослабляетъ эту связь, но еще не окончательно ее разрушаетъ. Окончательно же разрушаютъ ее тѣ самыя раціонализирующія, механизирующія силы, которыя разрушаютъ и художественное произведеніе, какъ таковое. Разсудочнымъ сложеніемъ готовыхъ составныхъ частей замысла не воплотить, міра не преобразить, антиномической ткани художественнаго произведенія не создать и цѣлостной вселенной не построить. Отторженность отъ религіи, отъ религіознаго мышленія, отъ коренящагося въ религіи міро-созерцанія и міро-построенія (замѣняемаго разсудочнымъ міро-разложеніемъ) на нашихъ глазахъ губить искусство.

Только возвратъ къ религіи можетъ его спасти.

Націонализмъ. *)

Націонализмъ и коммунизмъ — двѣ острия болѣзни, разъѣдающія современную европейскую культуру, уже и безъ того тяжело больную капитализмомъ. Націонализмъ, быть можетъ, болѣзнь даже болѣе опасная, чѣмъ коммунизмъ. Коммунизмъ послѣ русскаго опыта начинаетъ терять очарованіе, коммунистическая волна спадаетъ и, м. б., недалекъ уже

часъ заката коммунизма. Націонализмъ — наоборотъ, — все растетъ и грозитъ рядомъ новыхъ губительныхъ войнъ. Міръ задыхается въ отравленной атмосферѣ соціальныхъ и національных страстей, особенно — національных. Многимъ изъ насъ такая характеристика націонализма можетъ показаться странной. Мы привыкли со словомъ «нація» соединять мысль о Россіи, привыкли въ слово «нація» влагать священное и даже

*) Конспективная записка доклада Г. П. Федотова.

религіозное содержаніе, привыкли воспринимать націю, какъ святыню. Намъ кажется невозможнымъ, чтобы почитаемое нами священнымъ, могло быть грѣховномъ и въ грѣховности — опаснымъ. Но нужно помнить, что все въ мірѣ прекрасное, доброе, возвышенное, но не абсолютное, всегда можетъ изъ положительнаго превратиться въ отрицательное и разрушительное. Вѣдь, и коммунизмъ въ своемъ стремленіи къ общей жизни, въ утвержденіи ея правды имѣетъ искаженныя черты положительнаго идеала, выросшаго изъ христіанства. Коммунистическій идеаль, именно какъ идеаль христіанской жизни, былъ осуществленъ христіанствомъ въ первой Іерусалимской церкви, и позднѣе — въ монашескихъ братствахъ общежительныхъ монастырей. Эта идея, возникшая на почвѣ христіанства, и для него существенная, въ наши дни дожила до дѣвольскаго вырожденія въ атеистическомъ коммунизмѣ. И всякая духовная цѣнность, утверждающая себя изолированно отъ всей системы цѣнностей, обращающаяся противъ цѣнности Духа, становится началомъ разрушительнымъ. Такова судьба всѣхъ «среднихъ» — не абсолютныхъ цѣнностей. Онѣ двусмысленны. Многое въ исторіи объявлялось священнымъ: — семья, извѣстные «принципы», собственность, нація. Но кто станетъ въ наши дни говорить о священной собственности? Теперь пришло время пересмотрѣть вопросъ и о «священности» націй. Въ націи есть, несомнѣнно, и нѣчто божественное, но оно такъ смѣшано съ вещами земными и даже сатанинскими, что тутъ необходимо дѣйствіе меча Христова, разсѣкающаго надвое, отдѣляющаго относительное, земное и грѣшное отъ абсолютнаго и вѣчнаго.

Нація воспринимается нами обычно,

какъ нѣчто исконно сущее, или творимое изъ нѣдръ народа, какъ вѣчной ирраціональной сущности. Въ дѣйствительности націи возникаютъ, какъ результатъ совпаденія двухъ величинъ — государства и культуры. Это совпаденіе не всегда осуществляется въ исторіи. Ошибочно полагать, что въ основѣ націи лежить народъ. Народъ, т. е. — этнографическая группа, становится народомъ въ національномъ государствѣ. Если мы обратимся къ русской исторіи, наиболѣе намъ близкой, мы можемъ прослѣдить процессъ рожденія новой націи. Первоначально существуютъ только этнографическія единицы — многочисленныя славянскія племена — вятичи, кривичи, радомичи, древляне, поляне и т. д. Изъ тѣхъ же самыхъ или почти тождественныхъ элементовъ могли возникнуть и возникли, какъ русская, такъ и польская народности. Водораздѣлъ между близкими этнографическими образованіями проходитъ по линіи национальныхъ культуръ, связанныхъ одна (русская) съ Византіей и ея культурнымъ греческимъ наслѣдіемъ, другая — (польская) — съ Римомъ и Западнымъ католичествомъ. И именно это различіе культуръ, обросшее своеобразіемъ многочисленныхъ географическихъ, экономическихъ, политическихъ и этнографическихъ (конечно), условій опредѣлило различіе двухъ націй, а не самый этнографическій составъ, болѣе или менѣе однородный для Польши и для Россіи.

Связь культуры съ государствомъ создаетъ почву и возможности для образованія національнаго единства. Историческая память о славіи и страданіяхъ предковъ, общность политической судьбы существенны для всякаго національнаго сознанія. Образованіе національнаго сознанія нельзя мыслить внѣ государства. Если и существовали націи безъ государ-

ственного единства (еврейская, въ недавнемъ прошломъ, — польская, чешская), то и онѣ нѣкогда имѣли свое государство. Но и государство само по себѣ не можетъ вызвать къ жизни націю — оно говоритъ языкомъ гражданскаго долга, принужденія, и не знаетъ языка сердца, который говоритъ всего громче въ національномъ сознаниі.

Но прежде, чѣмъ итти дальше, необходимо дать себѣ полный отчетъ въ томъ, что національный характеръ культуры, какъ и само національное сознание не является, чѣмъ то постояннымъ въ исторіи. Есть культуры національныя, но есть и культуры сверхнациональныя, общія для цѣлаго ряда народовъ, живущихъ въ разныхъ государствахъ или универсальныя (вселенскія) по своему принципу. Сверхнациональныя культуры далеки отъ нашего поля зрѣнія, людей воспитанныхъ на идеяхъ 19 вѣка. Однако, по своему историческому значенію онѣ оказываются болѣе значительными. Такова, напримѣръ, культура римская. Содержаніе римской культуры эллинистическое, — дано Греціей, которая не была никогда единымъ государственнымъ образованіемъ. Римъ далъ государственное единство эллинизму, какъ культурѣ, но не создалъ своей особой культуры. Римская культура не имѣетъ даже единого языка: она до послѣднихъ дней имперіи была культурой двуязычной, греко-латинской. Она по разному окрашена на Западѣ и на Востокѣ, но никогда не была національной, какъ не была національной (въ смыслѣ латинской или италіанской) и Римская Имперія: — и та, и другая были сверхнациональны.

Сверхнациональна и арабская культура, построенная на чисто религіозной основѣ. Арабскій священный языкъ и нѣкогда общеимперское (по идеѣ — міровое) единство калифата лежитъ въ ис-

токахъ множества мусульманскихъ государствъ, разноплеменныхъ и разноязычныхъ. Стиль арабской культуры столь характеренъ, что мы узнаемъ его по малѣйшей вещицѣ-насъѣчкѣ на оружіи, узору на кувшинѣ, — но онъ ни въ какой мѣрѣ не зависитъ отъ національных моментовъ — онъ единъ и въ Азіи, и въ Европѣ, и въ Африкѣ. Мусульмане Индіи и берберы въ Африкѣ, по языку и крови чуждые другъ другу, не имѣющіе, быть можетъ, понятія другъ о другѣ, тѣмъ не менѣе принадлежать къ одной и той же культурѣ Ислама.

Возьмемъ средневѣковое христіанство. Раздѣленіе Церквей разорвало христіанскій міръ на двѣ половины, но ни западная христіанская культура, ни Восточная не являются національными. Обѣ онѣ, хотя и поразному, были культурами міровыми, сверхнациональными. Культурное единство Запада осуществлялось поверхъ государственныхъ и национальных границъ: языкъ Церкви и образованныхъ классовъ, латинская литература, наука, искусство были общими для всѣхъ народовъ Европы. Политическое единство христіанства признавалось, по крайней мѣрѣ, въ принципѣ. Культурное — сверхнациональное и сверхгосударственное — единство западнаго міра существовало тысячелѣтія, пока національныя государства и культуры, начавшія оформляться съ эпохи Возрожденія, не разорвали его. Тѣ же черты универсализма, сверхнационализма характеризуютъ и культуру Византіи. Мы часто впадаемъ въ невольную ошибку, воспринимая Византійскую культуру, какъ культуру греческую. Византія мыслила себя именно, какъ нѣчто универсальное, вселенское. Византійская имперія сознавала и называла себя имперіей Римской, предназначенной объять вселенную, была по своему сознанию ику-

менической (икумени — вселенная). Императоръ именовался вселенскимъ, Патриархъ Константинопольскій носилъ и носить до сихъ поръ титулъ вселенскаго — всѣ православные народы — по идеѣ — должны быть подъ единымъ скипетромъ, подъ единой властью. Если Западъ и отложился, то это именно отложение, бунтъ, нѣчто не должное. Русскія княжества въ глазахъ Византіи были вассальныя княжества, части единой православной Римской имперіи. До самаго паденія Византіи ея императоры смотрѣли на русскихъ князей именно, какъ на своихъ вассаловъ.

Даже и послѣ распада средневѣковаго христіанскаго единства, въ новыя столѣтія исторіи, — при полной обособленности «національных» государствъ, культура долго остается въ существенныхъ чертахъ сверхнаціональной.

Культура Ренессанса, по своему происхожденію, какъ будто, національная, сформировавшаяся въ Италіи въ 15-16 вѣкахъ, по своему духу и устремленности типически универсалистическая: она не признаетъ національных языковъ, національных особенностей, съ трудомъ уступаетъ имъ, сохраняетъ значеніе двухъ универсальныхъ языковъ древности — греческаго и латинскаго.

Чѣмъ ближе къ новому времени, тѣмъ сильнѣе проявленіе національных моментовъ. Но 18 вѣкъ — весь универсальнъ. Только латинскій языкъ уступилъ свое первенство французскому, ставшему общекультурнымъ языкомъ. Въ Германіи Фридрихъ Великій пишетъ по-французски, въ Россіи — люди, принадлежащіе къ культурному слою, легче изъясняются по-французски, чѣмъ по-русски, часто не въ состояніи написать по-русски простого письма.

Сверхнаціональнымъ, универсалистическихъ культурамъ въ исторіи проти-

востоятъ и значительныя національныя культуры, гдѣ государственное единство совпадаетъ съ культурнымъ — таковы культуры Египта, Китая — культуры самодовлѣющія, изолированныя; къ національному же типу тяготеютъ и новѣйшія фазы культурнаго развитія европейскихъ народовъ — съ начала 19 вѣка.

Древняя Русь, особенно Московское царство 16-17 вв. является образцомъ національной, изолированной культуры. Византійскій универсализмъ не могъ не оказать на нее своего вліянія, но это вліяніе не стало опредѣляющимъ. И Московское царство мыслилось единымъ и единственнымъ православнымъ царствомъ, но уже безъ того характера вселенскости, какъ это было въ Византіи. Мысль о Московскомъ царствѣ, какъ единомъ православномъ государствѣ, о Московскомъ царѣ, какъ единомъ «бѣломъ», «православномъ» государѣ, проникала и въ народныя массы, но никогда не получила ни того содержанія, ни того распространенія, какъ въ Византіи.

Что касается Русской имперіи, то въ 18 вѣкѣ она съ трудомъ можетъ быть названа «національной». Даже въ 19 вѣкѣ она продолжаетъ еще жить идеалами имперіи, осуществляющей обще-гуманистическіе, отнюдь не національные идеалы. Для сановной и литературной интеллигенціи, близкой ко двору, ясенъ былъ этотъ универсальный, а не національный характеръ имперіи. Достаточно вспомнить ту роль, какую играли восточные мотивы въ имперскихъ одахъ Державина, чтобы почувствовать этотъ духъ универсальнаго призванія, какимъ жила Русская имперія въ 18 вѣкѣ. Есть своего рода щегольство въ постоянныхъ напоминаніяхъ объ ордахъ кочевниковъ, «киргизъ-кайсаковъ», о множествѣ племенъ и нарѣчій, объединенныхъ подъ сѣнью Державы Россійской — всѣ эти націо-

нальности входятъ въ составъ имперіи, всѣ пользуются ея благами, являются ея сынами. И въ первой половинѣ 19 вѣка, даже при Николаѣ Павловичѣ, трудно говорить о Россійской имперіи, какъ національно-русской. Всюду сильное вліяніе германизма, такъ называемое, вполнѣдствіи «засиліе нѣмцевъ», налагающее отпечатокъ на всю, особенно административную и научную жизнь имперіи. «Национальной» Россійская имперія начинается становиться только со второй половины 19 вѣка, сначала въ связи съ развитіемъ демократизма, въ эпоху реформъ императора Александра II, потомъ, — обратно, — въ силу националистической реакціи при императорѣ Александрѣ III, реставрируется идея московскаго царства, и политика имперіи приобретаетъ остро-национальный характеръ. И немедленно — исчезновеніе духа универсализма порождаетъ рядъ явленій, угрожающихъ единству и цѣльности имперіи. Господство національно-русскихъ и, частіе — великорусскихъ мотивовъ — и подавленіе «меньшинствъ» приводитъ къ осознанію противоположностей между націями и имперіей. Возникаютъ и быстро начинаютъ расти всевозможные сепаратизмы, единство имперіи подвергается серьезной опасности. Отказъ отъ универсализма, опредѣленіе Россійской имперіи, какъ великорусской подготовили тотъ разливъ национальных «самоопредѣленій», который съ такой силой сказался въ эпоху революціи. Большевизмъ зажалъ эти процессы въ желѣзный кулакъ, но на слѣдующій день послѣ паденія большевизма они скажутся съ огромной центробѣжной силой.

Итакъ, нашъ историческій обзоръ, по меньшей мѣрѣ, не дастъ основанія для торжества национализма въ философіи культуры. Исторія не рѣшаетъ вопроса о томъ, какія культуры значительнѣе,

духовно цѣннѣе: національныя или сверхнациональныя.

Перенесемъ вопросъ на религіозную почву. И здѣсь придется констатировать извѣстную двойственность въ оцѣнкѣ значенія національнаго момента. Съ точки зрѣнія христіанства «вѣра и отечество» — сочетаніе совсѣмъ не исконное, можно даже сказать очень недавнее. Христіанство вошло въ міръ, какъ религія универсальная. Основоположными въ этомъ отношеніи являются слова апостола Павла — «Нѣтъ уже ни іудея, ни язычника, нѣтъ ни раба, ни свободнаго, нѣтъ ни мужскаго пола, ни женскаго, ибо всѣ одно во Христѣ Исусѣ». (Гал. III, 28).

Въ церкви Христовой національная разнь мыслится преодолѣнной, и напрасно было бы въ Евангеліи или вообще въ Новомъ Завѣтѣ, искать оправданія національности или национальной культуры. И въ позднѣйшее время Церковь, уже свободная, уже господствующая, живя въ рамкахъ Римской имперіи, не содѣйствуетъ специально пробужденію національнаго сознанія, не воспитываетъ его. Съ Константина Великаго Церковь связала свое внѣшнее бытіе съ государствомъ, но совсѣмъ не мыслить этого государства, какъ государства національнаго. Государство это должно быть православнымъ. Оно должно защищать Церковь, содѣйствовать ея распространенію, обезпечить для нея возможность мирнаго безпрепятственнаго развитія, — такъ опредѣляетъ Церковь содержаніе своей связи съ государствомъ и въ этомъ смыслѣ благословляетъ государство. Благословенія национальной стихіи въ этомъ еще нѣтъ. Исторія древней Церкви свидѣтельствуетъ о томъ, что обостреніе національнаго сознанія приводитъ часто къ расколамъ и ересямъ, такъ было на примѣръ, при развитіи монофизитства. Национальный сепаратизмъ Египта и Си-

ри при возникновеніи монофизитства принялъ его, какъ форму своей національной религіи, противопоставивъ ее единству христіанскаго міра. Отпаденіе отъ Церкви востока совершалось подъ дѣйствіемъ національныхъ мотивовъ.

На Западѣ и до нашихъ дней католическая церковь сохраняетъ древнюю универсалистическую установку. Конечно, ея епископы и священники могутъ оказаться въ плѣну у національныхъ страстей, могутъ проклинать католиковъ другой національности, но Римъ хранитъ позицію сверхнациональнаго центра, и въ извѣстные моменты призываетъ такихъ увлекшихся пастырей къ отвѣтственности...

Но здѣсь мы православные ощущаемъ, что не все благополучно въ этомъ вопросѣ о вселенскомъ католицизмѣ Рима. Современный универсализмъ Рима, несмотря на то, что онъ является несомнѣннымъ источникомъ его организаціонной силы, мы воспринимаемъ, какъ извѣстную дефективность, какъ извѣстную слабость сознанія католической Церкви, не понимающей религіознаго смысла національныхъ различій.

На почвѣ восточнаго православія — правда въ позднѣйшіе вѣка его жизни, мы находимъ иное отношеніе къ національной проблемѣ.

Въ исторіи младшихъ національныхъ церквей, особенно русской, мы наблюдаемъ рожденіе національной идеи на православной почвѣ. Уже въ XI вѣкѣ Несторъ Лѣтописецъ размышляетъ о религіозной судьбѣ и призваніи русскаго народа. Послѣднимъ изъ крещенныхъ народовъ, какъ работники 11-го часа, мы вступили въ Церковь Христову и вотъ уже новые наши святые — Борисъ и Глѣбъ, «отняли поношеніе отъ сыновъ русскихъ». Они и становятся небесными покровителями новой Русской Церкви.

Въ этихъ словахъ мы встрѣчаемся съ инымъ пониманіемъ единства Церкви, чѣмъ въ Византіи: вселенское тѣло Церкви слагается изъ національныхъ единствъ. Отрицательно это новое сознаніе сказалось въ борьбѣ за назначеніе для русской церкви епископовъ русской національности, положительно, — въ выработкѣ сознанія о религіозномъ призваніи каждой націи: Богъ на каждый изъ народовъ возложилъ особую религіозную задачу.

Идея — чуждая греческому сознанію. Чѣмъ опредѣляется это религіозно-національное содержаніе идеи народа, — въ словѣ выразить трудно. Въ древней Руси эта идея пріобрѣтаетъ свой конкретный смыслъ въ особенностяхъ русской иконописи, въ моральномъ складѣ, въ типахъ святости. Эта національная идея сдержанная, благородная въ Кіевѣ и въ сѣверномъ средневѣковьи, — становится нескромно-торжествующей въ Москвѣ, которая на развалинахъ Византіи дѣлается почти единственнымъ православнымъ государствомъ въ мірѣ. Здѣсь эта идея переходитъ уже должныя границы и позволяетъ московскому человеку говорить на языкѣ, странно напоминающемъ имперіализмъ Рима, говорить о «святой, соборной и апостольской церкви Успенія Богородицы въ Москвѣ». За этимъ гордымъ самомнѣніемъ, конечно, стоитъ историческая правда (вѣрность православію), но она получаетъ незаконное и несправедливое выраженіе по отношенію, на примѣръ, къ грекамъ, которые кажутся уже Москвѣ подозрительными, впадшими въ ересь. Въ концѣ концовъ, эта гордыня при попыткѣ церковныхъ исправленій приводитъ къ возникновенію раскола внутри самой русской Церкви. Создавшаяся изолированность русской культуры и отъ византійскихъ и отъ западныхъ вліяній оканчивается склерозомъ русской культуры. Изъ этого со-

стоянія ее выводить неизбежная, но жестокая ломка ее костенбющихъ формъ, совершенная Петромъ I.

Аналогично Русской Церкви національныя самосознанія пробуждались и въ другихъ малыхъ (наприм. славянскихъ) церквахъ Востока. И здѣсь это пробужденіе часто искажалось національной гордостью и враждой. Въ наши дни эта болѣзнь особенно тяжело поражаетъ церковныя организмы православнаго Востока. Но искаженія и уродства не должны закрывать отъ насъ и внутреннюю правду идеи. Въ чемъ же эта правда національной идеи въ христіанствѣ, столь поздно раскрытая и столь легко искажаемая?

Идея націи, какъ идея особаго религиознаго призванія, укоренена въ идеѣ христіанской личности. Въ христіанствѣ личность дана въ соборномъ коллективѣ (въ Церкви), подчиняется ему, но въ то же время она, — самостоятельная цѣнность, самоцѣнность. Она за все несетъ личную отвѣтственность, имѣетъ свое призваніе, осуществляетъ только ей данную цѣль, она имѣетъ свое имя, она не можетъ быть растворена въ коллективѣ, отмѣнена имъ... Нѣтъ двухъ святыхъ совпадающихъ одинъ съ другимъ въ своемъ духовномъ обликѣ, несмотря на обычное стремленіе святыхъ къ самоуничтоженію, къ осуществленію общей формы святости.

То, что вѣрно въ отношеніи индивидуальной личности, вѣрно и въ отношеніи коллективной личности — націи. Для осуществленія полноты Христовой необходима дифференціація даровъ и призваній, ибо осуществить эту полноту не дано ни отдѣльной личности, ни отдѣльной группѣ, — коллективной личности. Каждый въ отдѣльности, — личность и нація, — можетъ осуществить только од-

ну изъ сторонъ Божественной абсолютной полноты.

Христіанство оправдываетъ и личное, и культурное творчество, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ограничиваетъ его, подчиняя абсолютнымъ началамъ. Нельзя сказать, что Христосъ разрушаетъ любовь, семью, личную жизнь, хотя Онъ и говоритъ строгія слова: «Кто любитъ отца или мать болѣе, нежели Меня, не достоинъ Меня» (Мтф. 10, 37).

Это не разрушеніе земныхъ связей, а ихъ преображеніе, установленіе иной іерархіи цѣнностей, подчиненіе всего основному началу любви Христовой. Смыслъ этихъ словъ тотъ, что всѣхъ родныхъ и близкихъ можно и должно любить только во Христѣ. Націю, народъ тоже слѣдуетъ любить во Христѣ, любить въ свѣтѣ духовной личности народа, въ которой долженъ отпечатлѣться ликъ Христовъ, — но можетъ отпечатлѣться и другой ликъ. Когда народъ живетъ полнотой религиозной христіанской жизни, онъ просвѣтляется и ликъ Христовъ свѣтится въ немъ; такъ свѣтился онъ въ личности русскаго народа въ лучшія эпохи русской исторіи, когда можно было говорить о святой Руси.

Въ свѣтѣ Христова ученія современный обостренный націонализмъ (особенно расизмъ), являются ничѣмъ инымъ, какъ возрожденнымъ язычествомъ.

Въ націонализмѣ нація мыслится послѣдней абсолютной цѣнностью. Нація возвеличивается не за ея духовное содержаніе, а за ея матеріальную силу и мощь. Въ націи больше любятъ ея тѣло, чѣмъ духъ, а если духъ, то совсѣмъ не просвѣтленный христіанствомъ, а какъ демоническій духъ. Особенно это сказывается въ расизмѣ, подставляющемъ вмѣсто націи почти неодухотворенную этнографическую величину, — расу — начало полуживотной жизни, начало плоти

и крови. При всемъ огромномъ значеніи, какое плоть и кровь имѣютъ для насъ, при всей нашей интимной связанности съ ними, совершенно бессмысленно строить на этой основѣ культуру. Къ тому же историкъ знаетъ, что не только нѣтъ чистыхъ расъ, но что, какъ разъ расы смѣшанной крови, нерѣдко создаютъ наиболѣе творческіе, значительные культуры.

Мы, русскіе, особенно должны это знать и чувствовать. Можно сказать, что чистаго типа славянской расы сейчасъ нѣтъ. Можетъ быть еще поляки, — и то до извѣстной степени, — могутъ считаться чистымъ типомъ славянства. Что же касается русскихъ, особенно — великороссовъ, то въ жилахъ ихъ течетъ громадная примѣсь финской и монгольской крови.

Если прослѣдить генеологію выдающихся русскихъ людей, почти всюду найдемъ примѣсь нерусской крови: — Тургеневъ, Карамзинъ, Державинъ напоминаютъ о татарахъ. Въ Пушкинѣ примѣсь негритянской крови настолько явная и сильная, что современные негры чтутъ Пушкина, какъ представителя своей расы, украшаютъ въ Америкѣ его портретами свои дома. Нѣмцы, которые сейчасъ такъ дорожатъ «чистотой крови» — выросли на славянскомъ и литовскомъ корнѣ. Пространство къ востоку отъ Эльбы, населенное «нѣмецкой расою», не такъ еще давно было населено славянскими племенами.

Мало сказать, что теорія расизма не имѣетъ для себя исторической почвы. Она бессмысленна по самой сѣли, ибо сѣль культуры совсѣмъ не однообразіе и однотонность. Даже въ предѣлахъ одной націи нужно стремиться къ возможному полифонизму, единству въ многообразіи.

Въ національномъ творествѣ, какъ и во всей жизни, нужны сочетаніе и борь-

ба противоположностей, что бы родилось высшее единство.

Но съ точки зрѣнія религіозной и христіанской всѣ эмпирическія, природныя данности тѣла и крови вообще не могутъ быть послѣдней цѣнностью. Матерія (плоть и кровь) должна быть одухотворена, а одухотвореніе не вырастаетъ изъ плоти и крови, оно дается Христомъ, обусловлено преемствомъ непрерывнаго наслѣдія христіанской культуры.

Вспышка націонализма, характеризующаго нашу эпоху — есть признакъ упадка, кризиса, конца какого то историческаго періода. Въ этой вспышкѣ мы встречаемся со страннымъ парадоксомъ, можетъ быть, наиболѣе парадоксальнымъ явленіемъ нашего времени.

Европейскія націи живутъ повышеннымъ національнымъ чувствомъ въ то время, какъ культурныя содержанія, которыми живутъ онѣ, становятся все болѣе и болѣе интернациональными. Особенно интернациональны тѣ культурныя содержанія, которыми живетъ молодежь наиболѣе захваченная волной остраго націонализма.

Техника, увлеченіе которой такъ характерно для молодежи всѣхъ странъ, — принадлежитъ всецѣло къ сферѣ интернациональной; спортъ совершенно интернационаленъ и постоянное интернациональное общеніе является однимъ изъ условій спорта. Современное хозяйство, несмотря на всѣ попытки национальныхъ политиковъ замкнуть его въ предѣлахъ той или другой національной единицы, было и остается сверхнациональнымъ. Экономическія затрудненія отдѣльныхъ национальныхъ хозяйствъ, какъ и ихъ преуспѣянія, приводятъ къ интернациональному хаосу, отъ котораго не спасетъ никакая хозяйственная изолированность. Попытки лѣчить кризисъ «национальными мѣрами» — повышеніемъ та-

моженныхъ ставокъ, запрещеніемъ вывести валюту и т. д. создаетъ положеніе длительной экономической войны и только безнадежно запутываетъ положеніе. Разрѣшеніе можетъ быть найдено только въ интернаціональномъ соглашеніи подчинить частные интересы національныхъ хозяйствъ единому сверхнаціональному общему плану.

При этой интернаціональности культурныхъ содержаній и сверхнаціональности хозяйственныхъ интересовъ, народы Европы тѣмъ не менѣе стремятся къ обостренію національнаго чувства, воспитываютъ его. Юношество призывается къ готовности умереть за отечество, но духовныя содержанія, которыми живутъ разныя отечества, духовные образы отечества почти тождественны для всѣхъ изолирующихся государственныхъ единствъ. Цѣнности старыя, обусловливавшія нѣкогда особый національный обликъ культуры, создававшія дѣйствительно реальныя различія между націями — забыты. Одинаково мыслящіе, волящіе, чувствующіе, одинаково трудящіеся и развлекающіеся люди живутъ въ въ состояніи разобщающей игры національныхъ страстей и во имя ихъ готовы взорвать и самую культуру. Создается, дѣйствительно, огромное несоотвѣтствіе, странный парадоксъ.

Націонализмъ сталъ голой формой, въ которой кипятъ страсти. Націонализмъ не система цѣнностей, а система страстей. Въ такомъ видѣ онъ является только разрушительной силой, и если Европа не сумѣетъ преодолѣть этого кипѣнія страстей — она погибла.

Положеніе Россіи нѣсколько иное. Господство большевизма должно привести къ положительной національной реакціи, — рядъ цѣнностей культурныхъ, религі-

озныхъ, погранныхъ и разрушенныхъ большевизмомъ, долженъ быть возстановленъ. Русская культурная идея не изжила себя, ея развитіе было насильственно прервано и приостановлено.

То, что Европа пережила въ эпоху романтизма, Россія со всей силой начала переживать передъ самой войной. Въ эти годы національное сознаніе ощутило своеобразие и цѣнность нашего древняго искусства, нашихъ религіозныхъ традицій, восприняло ихъ, какъ живую и животворящую силу. Россія только что подходила къ расцвѣту своей національной культуры. Эта неисчерпанность содержанія русской культуры оправдываетъ и питаетъ законность русскаго національнаго чувства. Но политически русскій націонализмъ представляетъ огромную опасность для бытія Россіи. Россія — не однородное національное цѣлое. Великороссы въ немъ только половина національнаго цѣлаго. Спасти Россію отъ распадѣнія можетъ лишь ограниченіе великорусскаго національнаго чувства сверхвеликорусскимъ и даже свѣрхрусскимъ національнымъ сознаніемъ. Если Россія подлинно будетъ «своимъ домомъ» для всѣхъ народовъ, входящихъ въ составъ ея, она снова можетъ быть великой и цѣльной, — въ противномъ случаѣ ей грозитъ окончательное распадѣніе.

Національное сознаніе — огромная цѣнность, но вмѣстѣ съ тѣмъ и огромная опасность. Національное сознаніе должно постоянно воспитывать, очищать, облагораживать, въ голомъ видѣ оно не создается, а разрушается.

Съ точки зрѣнія христіанскаго сознанія, національное чувство должно быть подчинено высшей религіозной задачѣ, задачѣ призванія Россіи, ея религіознаго служенія.

Николай Федоровичъ Федоровъ

(1828-1903).

(ЖИЗНЬ И УЧЕНИЕ)

«Кто этотъ мыслитель, мысли котораго Вы передали? Онъ слишкомъ заинтересовалъ меня. Затѣмъ скажу, что въ сущности совершенно согласенъ съ этими мыслями» (Ф. М. Достоевскій, по полученіи письма съ изложеніемъ мыслей Н. Ф. Федорова).

«Я горжусь, что живу въ одно время съ подобнымъ человѣкомъ» (Л. Н. Толстой о личности Н. Ф. Федорова).

Имя Николая Федоровича Федорова начинаетъ повторяться все чаще и чаще. Его ученіемъ начинаютъ интересоваться, изучать, комментировать.

Смѣлое утвержденіе, что человѣчество должно овладѣть стихійными, природными силами и, организовавъ ихъ, осуществитъ полное и окончательное преображеніе космоса, побѣдить смерть черезъ «воскрешеніе» всѣхъ жившихъ до насъ «нашихъ отцовъ» въ широкомъ смыслѣ этого понятія — недавно казавшееся слишкомъ мечтательнымъ и фантастичнымъ — въ свѣтѣ новыхъ открытій пріобрѣтаетъ очарованіе возможной задачи.

Н. Ф. Федоровъ въ своемъ ученіи исходилъ изъ воскресенія Іисуса Христа. Связь Христова воскресенія съ крестомъ и Голгофою, искупительный смыслъ Христова воскресенія не раскрылся для Федорова, со своею силою. Грѣхъ для него прежде всего и больше всего — недостаточность сознанія, точнѣе — недостаточность знанія. Поэтому ему казалось, что всеобщее овладѣніе знаніемъ, соединенное съ примѣненіемъ достигнутаго для организаціи, покоренія природы — приведутъ къ преобразенію міра. Въ этомъ

отношеніи ученіе Н. Ф. Федорова до конца натуралистично. Задача спасенія для самого Н. Ф. Федорова была тѣснѣйшимъ образомъ связана съ его пониманіемъ литургіи. Она для него — продолженіе литургіи, «внѣхрамовая литургія». Но эта связь скорѣе слѣдствіе глубокой религіозности самого творца системы, а не органическая, не отдѣлимая основа самой философіи «Общаго дѣла».

Въ произведеніяхъ послѣдователей Н. Ф. Федорова эта субъективная связь порвалась, и ученіе о задачѣ всеобщаго воскрешенія пріобрѣтаетъ совершенно не христіанскій характеръ, сохраняя подъ часъ всю видимость вѣрности церковной терминологіи и даже догматикѣ.

Можно не принимать ученій «московскаго Сократа», но нельзя уйти отъ проблемъ, поставленныхъ имъ, отъ того или иного отвѣта на нихъ. Не безъ основанія можно утверждать, что если бы сознаніе православной Россіи своевременно задумалось надъ вопросами, поставленными Н. Ф. Федоровымъ, поняло ихъ, какъ пророчество и предчувствіе, м. б., большевизмъ никогда бы не пріобрѣлъ маски «новаго слова о мірѣ», не овладѣлъ бы Россіей такъ глубоко. Большевизмъ, искаженно, діавольски искривленно пытается осуществить многое изъ того, что ставилъ въ качествѣ задачи для вѣрующихъ Н. Ф. Федоровъ.

Начиная съ этого номера «Вѣстникъ» напечатаетъ нѣсколько статей, посвященныхъ Н. Ф. Федорову и его ученію.

Біографія Н. Ф. Федорова, помѣщенная въ этомъ номерѣ, представляетъ пе-

репечатку (съ небольшими измѣненіями и сокращеніями) біографическаго очерка, составленнаго А. Остромировымъ, прило-

женнаго къ первому выпуску второго изданія «Философіи Общаго Дѣла». Харбинь. 1928 г.

По даннымъ документовъ, хранящихся въ Румянцевскомъ музеѣ, Николай Федоровичъ Федоровъ родился между январемъ и апрѣлемъ 1828 года. Отцомъ его былъ одинъ изъ многочисленнаго рода князей Гагариныхъ, а матерью бѣдная и простая женщина, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, крѣпостная крестьянка, а по другимъ — плѣнная черкешенка.

Нѣтъ сомнѣній, что въ раннихъ впечатлѣніяхъ ребенка надо искать перваго порыва, перваго движенія сердца къ той задачѣ, что стала потомъ для взрослого святынею всей жизни. Сохранился листокъ, затерянный среди рукописей Федорова и озаглавленный «необходимое дополненіе». Тамъ значитъ:

...«Отъ дѣтскихъ лѣтъ сохранилось у меня три воспоминанія: видѣлъ я черный, пречерный хлѣбъ, которымъ (говорили при мнѣ) питались крестьяне въ какой-то, вѣроятно, голодный годъ. Слышалъ я съ дѣтства объясненія войны (на мой вопросъ о ней), которое привело меня въ страшное недоумѣніе: «на войнѣ люди стрѣляютъ другъ въ друга; наконецъ, узналъ я о томъ, что есть и не родные, чужіе, и о томъ, что сами родные — не родные, а чужіе».

Николаю Федоровичу дано было дворянское образованіе. Окончивъ въ 1849 году Тамбовскую гимназію, онъ поступилъ въ Одесскій Ришельевскій Лицей на камеральное отдѣленіе, откуда былъ, по неизвѣстной причинѣ, не окончивъ курса, въ мартъ 1852 г.

По разсказу Н. П. Петерсона, Николай Федоровичъ уже передъ самымъ окончаніемъ на одномъ изъ выпускныхъ экзаменовъ горячо поспорилъ съ профессо-

ромъ по какому то вопросу, послѣ чего на дальнѣйшіе экзамены не являлся. Можно думать, что молодой человѣкъ на положеніи незаконнорожденнаго княжескаго воспитанника не могъ не чувствовать двусмысленности своего положенія въ аристократической средѣ привилегированнаго учебнаго заведенія. Конечно, уже тогда въ юности онъ долженъ былъ мучительно задуматься надъ причинами неравенства, неродства и небратства «сыновъ человѣческихъ».

Выйдя изъ Лицея, Федоровъ покинулъ свою родину — Новороссійскій югъ — для среднихъ областей Россіи. Можно думать, что къ тому времени уже окрѣпло въ его душѣ стремленіе отдать все личное на служеніе «Общему Дѣлу». Потянуло «внизъ» къ народу. Съ 1854 г. по 1868 Федоровъ занимаетъ мѣсто учителя исторіи и географіи въ рядѣ захолустныхъ уѣздныхъ училищъ. Это скромное дѣло онъ исполнялъ съ идеальной добросовѣстностью. Много учениковъ на всю жизнь сохранили о немъ благодарные и благоговѣйные воспоминанія. Частыя перемѣны мѣстъ службы Николая Федоровича въ училищахъ вызывались невозможностью для него по окружавшимъ порядкамъ и обстоятельствамъ исполнять свой долгъ учителя съ той широтой и строгостью, которую онъ считалъ необходимой. Извѣстны случаи мужественной защиты имъ учениковъ передъ начальствомъ съ рискомъ самому лишиться мѣста. Онъ поставилъ себѣ также правиломъ дѣлиться всѣмъ, что имѣетъ, съ нуждающимися учениками. Однажды, когда у одного ученика заболѣлъ отецъ, а лѣчить его было не на что,

Федоровъ отдалъ на леченіе свои деньги. Когда же больной умеръ, то, чтобы похоронить его, Федоровъ продалъ свой единственный виць-мундиръ, выручку отдалъ сиротѣ, а самъ явился на урокъ въ столь ветхой одеждѣ, что случившійся, какъ нарочно, въ этотъ день въ школѣ профессоръ начальникъ, изумленный невозможнымъ костюмомъ преподавателя и возмущенный его отказомъ объяснить причину его неряшливости, потребовалъ его увольнения. Только благодаря инспектору училища, оставили на этотъ разъ страннаго «чудака» въ покое.

Съ 1868 года Федоровъ переходитъ на службу въ Москву, сначала въ Чертковскую библіотеку, помощникомъ бібліотекаря, а затѣмъ въ Румянцевскій музей, дежурнымъ чиновникомъ при читальномъ залѣ, гдѣ проработалъ почти 25 лѣтъ. Незадолго до смерти, выйдя въ отставку, съ пенсіей (17 р. 50 к. въ мѣсяцъ), онъ вскорѣ снова началъ работать въ библіотекѣ Московскаго архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Московскій періодъ жизни Федорова оставилъ по себѣ много слѣдовъ и воспоминаній. Доселѣ еще живутъ люди, близко его знавшіе. Изъ согласныхъ описаній рисуется образъ человѣка кристальной чистоты жизни и колоссальной умственной силы.

Всѣ, бывавшіе въ 70—80 годахъ въ Читальномъ залѣ, а позднѣе, въ такъ называемой «каталожной», помнятъ высокую, высохшую, слегка сгорбенную, но полную энергіи фигуру, одѣтаго въ ветхое рубище старика, въ глазахъ котораго сверкалъ страстный огонь цѣломудренной юности, на первый взглядъ суровый обликъ съ небольшою сѣдьющей бородкой, съ длинными рѣдкими серебристыми кудрями, съ могучимъ, спереди обнаженнымъ черепомъ, на кото-

ромъ мускулы и жилы вздымались буграми, какъ только напрягалась его оригинальная дума и лилась его глубокомысленная и остроумная рѣчь. Этотъ строгій человѣкъ, внушавшій сначала нѣкоторую боязнь, оказывался добродушнѣйшимъ, услужливѣйшимъ изъ людей, какъ только замѣчалъ въ посѣтителѣ бібліотеки или музея серьезный и живой интересъ къ какой бы то ни было отрасли знанія, которые всѣ были дороги и милы этому «всецѣдущему». Этому всецѣдѣнію скромнаго бібліотекаря не уставала удивляться многочисленная семья русскихъ писателей и ученыхъ.

Всѣ они, по словамъ П. Я. Покровскаго, пользовались его безпримѣрно богатыми знаніями во всѣхъ областяхъ науки и готовностью услужить каждому. Вотъ какъ быкновенно завязывалось у работавшихъ въ библіотекѣ личное знакомство съ Н. Ф. Федоровымъ: «изучая тотъ или другой научный вопросъ, посѣтитель музея находилъ въ кипѣ потребованныхъ книгъ еще двѣ или три книги, которыхъ онъ совсѣмъ не требовалъ, о существованіи которыхъ и не подозрѣвалъ. А между тѣмъ, содержаніе этихъ неожиданныхъ книгъ прямо отвѣтило на поставленную имъ себѣ задачу. На вопросъ посѣтителя, кому онъ обязанъ присылкой этихъ книгъ, получался отвѣтъ: «Это вамъ прислалъ Николай Федоровичъ». Новыя книжки освѣщали вопросъ совсѣмъ съ новыхъ, неожиданныхъ и непредвидѣнныхъ точекъ зрѣнія. Вопросъ углублялся, изученіе затягивалось, требовались и присылались все новыя и новыя книги и, наконецъ, совсѣмъ зарывшійся ученый непремѣнно получалъ приглашеніе: «Васъ проситъ къ себѣ Николай Федоровичъ». Тутъ уже начиналась личная связь съ руководителемъ работы съ тѣмъ, чтобы потомъ уже никогда не прерываться и служить постояннымъ и

неисчерпаемымъ источникомъ не только для всесторонняго изученія тѣхъ или иныхъ спеціальныхъ вопросовъ, но нерѣдко для выработки и созданія цѣлаго міросозерцанія».

Н. Ф. Федоровъ былъ прямо исключительнымъ библіоманомъ и библіографомъ. Онъ зналъ, какъ свои пять пальцевъ, библіотеку Румянцевскаго музея. и очень часто для него легче и скорѣе было достать нужную книгу прямо съ полки, чѣмъ отыскивать ее при помощи каталога.

Приведемъ одинъ изъ ряда примѣровъ, для иллюстраціи удивительныхъ всеобъемлющихъ познаній Федорова. «Въ началѣ 90-тыхъ годовъ ѣхала партія инженеровъ на изысканіе Сибирскаго желѣзнодорожнаго пути и, проѣзжая Москвой, заглянули въ Румянцевскій музей, конечно, для очистки совѣсти, и вовсе не увѣренные въ возможности найти здѣсь что-либо для себя новое и интересное. Въ подобныхъ случаяхъ, когда кто-нибудь обращался въ библіотеку съ просьбой указать книги по извѣстному вопросу или за какими нибудь совѣтами при книжныхъ занятіяхъ, его неизмѣнно направляли къ Николаю Федоровичу. Къ нему же привели и инженеровъ. Послѣ очень недолгаго разговора, инженеры услышали названіе такого описанія Сибири, о которомъ раньше и не подозрѣвали, а когда показали Николаю Федоровичу проектъ предполагавшагося пути, то онъ сразу замѣтилъ два упущенія на картѣ: въ одномъ мѣстѣ невѣрно была показана высота горы, а въ другомъ совсѣмъ пропущенъ большой ручей».

«Инженеры, хотя и не увѣренно, но все таки спорили и стояли за вѣрность своей карты. Однако, на возвратномъ пути, года черезъ два, партія прислала своего сочлена Николаю Федоровичу засвидѣтельствовать ему свое уваженіе и сказать ему, что онъ былъ безусловно правъ

Множество подобныхъ разсказовъ о Федоровѣ приходилось слышать отъ историковъ, юристовъ, филологовъ, медиковъ, техниковъ и т. д. Разсказываютъ, напримѣръ, о рядѣ случаевъ, когда у него заходилъ споръ о какой либо детали содержанія научной книги съ самимъ авторомъ этой книги и въ результатѣ всегда оказывалось, что (Николай Федоровичъ) помнилъ это содержаніе лучше, нежели самъ авторъ.

Въ иностранныхъ литературахъ, по каждой спеціальности, Федоровъ былъ также у себя дома, какъ и въ русской.

Между прочимъ, онъ превосходно разбирался въ китайской письменности и одно время очень ею увлекался.

Румянцевскій музей не мыслился отдѣльно безъ Николая Федоровича. Самые книжные богатства его библіотеки могли сохраниться лишь благодаря, составленному имъ, систематическому библіографическому каталогу. Случалось, что онъ покупалъ (разсказываетъ Е. С. Некрасова) на собственные, болѣе чѣмъ скудныя средства, книги для музея, которыхъ тамъ не было, но которыя требовалъ кто нибудь изъ посѣтителей.

Принципіальный противникъ частной собственности въ области духовнаго богатства, Н. Ф. Федоровъ составленіе частныхъ библіотекъ находилъ желательнымъ только съ конечной цѣлью пополненія ими какой-нибудь общественной библіотеки.

По воскресеньямъ въ каталожную музей сходилась много знакомыхъ и друзей Федорова. Уже не книжныя занятія влекли ихъ сюда, но оживленныя рѣчи, цѣлые диспуты, устраиваемые здѣсь подъ его руководствомъ, по его почину, или имъ самимъ. Легко и плодотворно было здѣсь черпать новое знаніе, или дѣлиться своимъ духовнымъ богатствомъ съ другими. Съ непринужденностью и смѣло-

стью сталкивались самыя противоположныя мнѣнія. Откровеніемъ высшей мудрости звучало умиротворяющее слово «учителя», способное вмѣстить разнообразіе направленій и объединить кажущіяся противорѣчія своею совершенно исключительной синтетической способностью.

Библіотека превращалась въ ученый клубъ и становилась умственнымъ центромъ Москвы. Формалистамъ это казалось досаднымъ нарушеніемъ правилъ и помѣхой офиціальному ходу «дѣла». Не разъ поднимался вопросъ о воспрещеніи, но каждый разъ Николай Федоровичъ отстаивалъ введенную имъ вольность: въ этомъ случаѣ онъ не колебался ставить на карту собственное служебное положеніе и поднималъ вопросъ объ отставкѣ. Но отставки отъ него, разумѣется, не принимали, слишкомъ хорошо зная его незамѣнимость.

Не разъ начальство музея предлагало ему повышеніе по службѣ, но Федоровъ настойчиво отказывался, даже обижался. Передаютъ, что онъ особенно дорожилъ ничтожностью получаемой имъ суммы жалованія (менѣе 400 р. въ годъ), такъ это было связано съ невключеніемъ въ списки привлекаемыхъ къ участию въ судѣ присяжныхъ засѣдателей, что для Федорова было тягостно и нежелательно.

Какъ протекала жизнь Федорова внѣ музея?

Онъ занималъ маленькую, за шесть рублей въ мѣсяцъ комнату, или уголь, спалъ всегда на голомъ, горбатымъ сундукѣ, положивъ подъ голову какой нибудь твердый предметъ. Спалъ не болѣе 4—5 часовъ въ сутки. Ни подушки, ни матраца, ни шубы. Онъ не признавалъ другого платья, кромѣ сильно поношеннаго и служившаго до тѣхъ поръ, пока оно не превращалось въ лохмотья (незнакомымъ случалось на улицѣ принимать его за нищаго). Никакой обстановки. При каж-

домъ перемѣщеніи его съ квартиры раздавались послѣднія жалкія вещи, даже, по возможности, книги. Никогда ни одной копейки затраты на развлеченія, на малѣйшее удобство, ни даже на извозчика, даже въ суровую погоду, хотя бы при нездоровьи. Питался чаемъ съ баранками, да кусочками стараго сыра или соленой рыбы. По долгимъ мѣсяцамъ жилъ безъ горячей пищи. Одинъ изъ квартирохозяевъ Николая Федоровича, по профессіи кухмистеръ, постоянно спрашивалъ у друзей Федорова, посѣщавшихъ его: «онъ кушаетъ у васъ? У меня онъ ничего не беретъ».

Иногда друзья почти насильно поселяли его гдѣ-нибудь подъ Москвой на лонѣ природы, нанимали ему комнату, просили хозяина давать на обѣдъ два блюда, покупали подушку и постель. Пріѣзжали черезъ недѣлю и находили комнату пустой; подушки и постель уже отданы кому нибудь. Николай Федоровичъ опять спитъ на голыхъ доскахъ, а хозяинъ сообщаетъ: «не велитъ давать два блюда, даю одно».

Немудрено, что при такомъ отношеніи къ себѣ, у Николая Федоровича изъ мѣсячнаго бюджета оставалось болѣе половины «остатковъ», которые всѣ шли на помощь просившимъ и не просившимъ. Часть получаемыхъ денегъ онъ раздавалъ служителямъ Румянцевскаго музея, считая жалованіе ихъ недостаточнымъ. Кромѣ того, каждое 20-ое число въ передней музея Федорова ожидали какіе-то никому неизвѣстныя лица: ихъ называли «стипендіатами» или «пенсіонерами» Николая Федоровича. Онъ какъ бы не зналъ, что дѣлать съ такимъ богатствомъ, какъ 30 руб. и, если въ рукахъ его были три десятки, то не мѣнялъ и раздавалъ десятками. Была въ немъ по разсказу В. А. Кожевникова, какая то боязнь денегъ, какъ чего то ядовитаго, заразнаго и мерзкаго. «Какъ

ихъ ни тратъ, а онѣ все остаются, проклятыя», восклицалъ онъ съ неподдѣльнымъ испугомъ, когда находился какойнибудь грошъ въ карманѣ, ничего столь не опасаясь, какъ такого остатка послѣ смерти. Соблазнъ богатства, роскоши, комфорта, денегъ и вещи, даже самой облагороженной, напримѣръ, произведенія искусства, въ смыслѣ собственности не имѣлъ надъ нимъ никакой силы.

Очень характерны отношенія Николая Федоровича къ Льву Николаевичу Толстому. О стычкахъ Толстого съ Федоровымъ ходитъ много разсказовъ (иногда легендъ). Одно изъ первыхъ столкновений между ними относится еще къ началу 80-хъ годовъ. Федоровъ остановилъ вниманіе великаго писателя на книжныхъ сокровищахъ музея. Толстой, бывшій тогда въ разгарѣ разочарованія въ своей литературной дѣятельности и цѣнности литературы вообще, хладнокровно произнесъ: «Мало ли пишутъ глупостей, слѣдовало бы все сжечь». Федоровъ, точно ужаленный, схватился за голову: «Много я видалъ на свѣтѣ глупцовъ, а такого еще не видалъ». Такъ (по одной версіи) отвѣтилъ онъ автору «Войны и Мира». Толстой былъ сконфуженъ.

Федоровъ сначала бывалъ у Толстого, когда тотъ жилъ въ Москвѣ, но потомъ пересталъ бывать. Объяснялъ это неловкостью, которую онъ ощущалъ, видя Толстого и его семью, сидящими за разными обѣденными столами. «Вы травоядный, — говорилъ Федоровъ, — я тоже могу ѣсть траву. Но, когда мы ѣдимъ траву, то этимъ какъ будто обличаемъ нашихъ домашнихъ, которые ѣдятъ мясо, а ваши домашніе обличаютъ насъ». Онъ видѣлъ во всемъ этомъ фальшь и уклонялся отъ посѣщенія Толстого на дому.

Мѣткую характеристку Федорова далъ близко стоявшій къ нему Н. Н. Черногоубовъ (бывшій хранитель Третьяков-

ской Галлерей). «Онъ былъ совершенно лишенъ литературной красоты. Свои необычайные мысли излагалъ почти мужицкимъ языкомъ. Его книга самая не литературная, потому, что самая убѣжденная, серьезная.

«У него была — клиническая сухость. Человѣчество — больной. Надо вылечить, вызволить. Диагнозъ поставить. Кокетства не признавалъ. Какой-то не нашъ былъ. Мощь, энергія, а главное, юношескіе огненные глаза... Маша, прислуга, говорила: «Вотъ опять пришелъ этотъ старикъ со страшными глазами». Былъ великій фанатикъ. Любимое изрѣченіе его было: «Дѣла, которые Я творю и вы сотворите и больше сихъ сотворите»... Любилъ дѣтей и имѣлъ обыкновеніе носить имъ шоколадки... Но не былъ ни догматикомъ, ни кокетомъ. Одна простота, когда говорилъ, такъ волновался, что трудно представить его процессъ писанія».

Въ качествѣ коренной, опредѣляющей черты въ существѣ Федорова — надо отмѣтить его чрезвычайную, почти болѣзненную скромность, постоянное желаніе остаться въ тѣни, неизвѣстнымъ, незамѣтнымъ.

При жизни онъ печаталъ очень мало, всегда безъ подписи, и большею частью въ незамѣтныхъ газетахъ и журналахъ. Писалъ, обыкновенно, ночью, при свѣтѣ жестяной лампочки. И скрывалъ это. Только немногіе, близкіе къ нему люди, знали, что онъ пишетъ. Писалъ на клочкахъ бумаги, безсистемно. Видимо мысли его лились широкой волной и рука не успѣвала записывать всего.

Въ силу той же скромности Федоровъ никогда не позволялъ себя фотографировать. Мы не имѣли бы никакого изображенія мыслителя, если бы не хитрость его друзей. Они уговорили извѣстнаго художника Л. О. Пастернака, близко зна-

комаго съ Федоровымъ, нарисовать его украдкой. Пастернакъ рассказывалъ М. С. Панкратову, какъ онъ ходилъ въ библіотеку, обкладывалъ себя книгами, дѣлалъ видъ, что читаетъ, а самъ изрѣдка, что бы не возбудить подозрѣнія, кидалъ взгляды на Федорова и набрасывалъ его портретъ.

Такъ построилъ жизнь свою мудрецъ-праведникъ. Еще понятно было бы если бы подобный образъ жизни прямо вытекалъ изъ его ученія: слово не расходилось съ дѣломъ. Но этого какъ разъ нельзя сказать безъ оговорки. Дѣло въ томъ, что у ч е н і е Федорова гласило о полнотѣ жизни, онъ вооружался противъ аскетизма, настойчиво подчеркивая его недостаточность, односторонность, безсиліе, равнымъ образомъ говорилъ о тщетѣ частной и денежной благотворительности. Получается своеобразное противорѣчіе писаній и жизни, обратное тому, какое было у Толстого.

Ни мало не проповѣдуя и никому не навязывая своего образа жизни, самъ Николай Федоровичъ, органически не могъ жить иначе. И въ смерти онъ всецѣло остался вѣренъ себѣ. — Его закаленный организмъ не зналъ болѣзней. Но однажды въ суровую декабрьскую стужу, друзья философа почти насильно

заставили его надѣть теплую шубу и посадили на извозчика; въ результатъ простуда, воспаленіе легкихъ, Федоровъ слегъ въ Маріинскую больницу. Послѣдніе сутки онъ былъ въ забытіи. Агонія была тяжкая и длительная. Но до этого онъ много говорилъ, хотя и съ трудомъ уже, съ посѣщавшими его друзьями, не смотря на запрещеніе врачей разговаривать. Онъ скончался безъ сознанія часовъ въ 6 утра, 15 декабря 1903 года.

Тѣло Николая Федоровича было предано погребенію на кладбищѣ Скорбященскаго женскаго монастыря, въ настоящее время подвергшемся сильному разгрому, и, какъ и всѣ кладбища, находящіеся въ предѣлахъ черты Камеръ-коллежскаго вала, предположенномъ къ превращенію въ увеселительные сады и уже частично застроенномъ подъ рабочій городокъ. Тамъ можно и сейчасъ — въ самомъ дальнемъ углу кладбища, — разыскать его могилу. Убогій деревянный крестъ, сломанный въ 1918-20 году, въ 1923 году замѣненъ чернымъ чугуннымъ. Накладное распятіе сбито и сброшено. На дощечкѣ помѣщены имя, отчество и фамилія, даты смерти и рожденія.

На перекладинѣ креста сдѣлана надпись: «Христось Воскресе».

« Шагай новый человѣкъ ».

(Попытка созданія «пролетарской школы»)

(Окончаніе).

ВТОРОЙ ПЕРІОДЪ — РАЗОЧАРОВАНІЕ

Орабоченіе Высшей школы было достигнуто, но такой цѣной, что пришлось призадуматься... «Директива партіи о введеніи въ вузахъ въ ближайшіе годы рабочаго ядра до 70 проц. въ основномъ выполнена, разверстка комсомола на 5.000

рабоче-батрацкаго молодняка перевыполнена... но основнымъ недочетомъ въ этой работѣ является слабая академическая подготовленность поступающихъ. Нѣкоторые товарищи, посланные въ счетъ 5.000, по винѣ мѣстныхъ организацій, отстаютъ въ своей учебѣ и вынуждены наряду съ прохожденіемъ основнаго курса

массу времени и энергии тратить на пополнение пробелов в знаниях. В прямой связи с этим стоит вопрос о сохранении пролетарского ядра в вузах. Ряд фактов говорит о том, что на почве академической неподготовленности есть тенденция уйти обратно на производство. Все это льет воду на мельницу классового врага и оппортунистов, фактически проповедующих лозунг «признаем нашу некультурность и пойдем на выучку к капитализму» (Красное Студ. 11-12 31 г.). «После двух месяцев учебы, сообщается в том же номере К. С., из тысячи принятых студентов двести переведены в нолевые группы (подготов. за среднюю школу). С места прислали много совершенно не подготовленных товарищей, которых пришлось отснять. Никто в АНИ (Азерб. нефт. инст.) не дает гарантий, что отсвз прекратится. Наоборот. Вопль продолжается, и АНИ собирается передать прокурору ряд дел, привлечь к ответственности тех организации, которые без всякого зазрения совести командировали в АНИ явно неподготовленных товарищей» (Кр. Студ. 11-12).

Пролетарские методы — социальное соревнование и ударничество привели к тому, что «гиганты учебы оказались под угрозой совсем скверной продукции... «Высшую математику» высшая школа «заменила арифметикой» (Красное Студ. 22-31).

Каждому хотелось «удариться» и «соревноваться» как можно эффективнее. Студенты «ударялись» между собой, администрация стремилась «переударить» студентов... Все рвали стремительность и напор. «2-ая бригада Бухарева, например, напором в два дня одолела раздельно сопротивлений материалов по упругости и растяжению» (Кр. Студ. 5-6).

«В 1929 году Одесский энергетический институт заключил договор соци-

ального соревнования с бывшим Харьковским технологическим институтом на качественно более высокий и ускоренный выпуск инженеров. В порядке социального соревнования 4-ый курс должен был закончить институт раньше срока на два месяца. Администрация института решила показать лучшие образцы темпов и сократила срок окончания для группы трактористов на три месяца... На проектирование главного проекта трактористам было отведено 25 дней, причем выпуск должен был состояться 1-го июля 1931 года, а чтение курса трактористов было начато 12.1.31. Проект же рассчитан заданием на пять листов. На технологический проект отведено 10 дней. («Красное Студ.» 17-18 31 г.). «Математика (для инженеров строителей основной предмет): вместо двух лет, затрачиваемых на прохождение всех отделов высшей математики, сейчас затрачивается один год. Это при том, когда часть нового набора порой бывает без достаточно прочной подготовки по средней математике... Специалисты гидравлики теорию насосов проходят в 20 часов... Не проходят, а перелистывают... Раньше этому сложному курсу уделялось около половины учебного года»...

«Третья группа третьего курса решила выдвинуть «встречный» существующему переходному плану. По встречному плану группа должна закончить втуз на четыре месяца раньше срока... Это сокращение идет за счет сокращения программы, уменьшения срока для отдыха, и увеличения ежедневной учебной нагрузки. На факультет холодной обработки металлов студентами было вынесено решение: сократить время пребывания в институте на 2 месяца... В результате оказалось, что технология производства должна быть пройдена за 85 часов, статистика и проекты за 80 часов. Группа

объявила себя ударной и принялась «ударяться» (Кр. Студ. 17-18 31 г.).

В постановкѣ рекордовъ ударничества всѣхъ превзошли студенты перваго триместра АНИ (Азербейд. нефт. инст.), постановившіе въ «порядкѣ соцсоревнованія и ударничества» закончить институтъ въ... одинъ годъ».. (Крас. Студ. 11-12, 31 г.).

Провозглашенный въ качествѣ высшаго достиженія пролетарской школы «бригадно лабораторный методъ» въ дѣйствительности оказался методомъ уничтоженія возможности толково и продуктивно работать. «Въ аудиторію приносятъ 5-8 книгъ на сорокъ человекъ. Слушатели разсаживаются по бригадамъ и начинаютъ прорабатывать матеріалъ. Отъ чтенія вслухъ въ аудиторіи шумъ, при которомъ невозможно вникнуть въ суть дѣла... Нѣкоторые покидаютъ аудиторію и идутъ заниматься домой, а въ журналѣ отмѣчается прогулъ. Дома, особенно въ общежитіи, тоже нѣтъ нормальныхъ условий для занятій... Библіотека техникума перестала выдавать учебники»... (Кр. Студ. 22. 31 года). «Въ небольшой аудиторіи, рассказываетъ другой корреспондентъ, разсаживается группа бригадами, которыя выдѣляютъ лучшаго чтеца. Ихъ пять. И вотъ начинается чтеніе, громкое, «внятное». Я слышу и своего чтеца и остальныхъ четырехъ. Все вмѣстѣ даетъ безтолковый шумъ. Аудиторія тщетно пытается уловить смыслъ. Дѣлаются робкія попытки уяснить смыслъ. Но куда тамъ — никто ничего не запомнилъ. Кто нибудь машетъ рукой — «валяй дальше», и чтеніе продолжается»... (Кр. Студ. ном. 4. 32).

Работа по «коллективно-лабораторному методу» являлась какъ бы «патентомъ на песомнѣнность коммунистическаго перевоспитанія студента». Сомнѣніе въ цѣлесообразности или всеобщей значимости «пролетарскаго метода» навлекаетъ по-

дозрѣніе въ смертномъ грѣхѣ индивидуализма. «Я, — пишетъ т. Торопыгина, — пыталась доказать нелѣпость такихъ занятій, низкое качество знаній отъ этого. Я предлагала использовать эти часы для самостоятельной работы въ тихой читальнѣ (тѣмъ болѣе, что книги были). За это мнѣ прилѣпили ярлыкъ «индивидуалистки». (Красное Студ. ном. 4, 1932 г. Апрель).

«Творчество» пролетарскихъ формъ «учета успѣваемости» кончилось тѣмъ, что анекдоты стали дѣйствительностью, дѣйствительность анекдотомъ. Нарочно не придумаешь того, что осуществлялось съ полной серьезностью, какъ «новыя пролетарскія коллективистическія формы учета».

«Въ Воронежскомъ медицинскомъ институтѣ профессоръ по кафедрѣ гігіены послѣ долгаго исканія метода учета рѣшилъ примѣнить демократію — онъ поставилъ вопросъ на голосованіе — «кто за то, что семинаръ удовлетворительно проработанъ». Семинаръ проголосовалъ абсолютнымъ большинствомъ за предложеніе профессора». («Красное Студ. ном. 10, октябрь 31 г.).

Преподаватель математики Богушевская.. Каждый день вызываетъ къ доскѣ студентовъ, но въ концѣ цикла, когда нужно выставять и давать сводки объ успѣваемости, откровенно заявляетъ ребятамъ: — «Давайте сообща. Какъ вотъ этотъ» (называетъ фамилію). — «Парень хорошъ. Нашъ. Въ бригадѣ работаетъ. Ставьте». — «Ой, обманете меня, боюсь». «Хорошъ, хорошъ», — хоромъ подтверждаетъ аудиторія. «Смотрите, не подведите», и зачетъ поставленъ» (Кр. Студ. ном. 16. 31 г.).

Въ СССР одно время господствовала эпидемія всевозможныхъ «боевъ» — «политбой», «культбой», «техбой» и т. д. Нѣкоторые профессора рѣшилъ, что «бой» можно использовать въ качествѣ новой

формы учета успеваемости. «Цѣлыхъ сто часовъ профессоръ диктовалъ студентамъ курсъ — «детали машинъ». Нумеровалась каждая строчка, каждая формула, таблица, примѣчаніе... Насталъ 101 часъ. Профессоръ пришелъ двумя минутами раньше звонка. «Кто староста. Идите сюда. Вы будете моимъ адъютантомъ. Садитесь и пишите протоколъ. Сейчасъ, говоритъ профессоръ, обращаясь къ студентамъ, я буду васъ спрашивать... Мы напишемъ билетики, вы будете ихъ тянуть и отвѣчать. Кто не отвѣтитъ на одинъ вопросъ — раненъ; на два — тяжело раненъ; на три — убитъ». Пять студентовъ выходятъ къ доскѣ. Подходятъ къ столу, тянутъ билеты... Пять рукъ, пять кусочковъ мѣлу усердно царапаютъ цифры, формулы, слова. «Кто готовъ», — нетерпѣливо спрашиваетъ профессоръ. «Болты работаютъ только на растяженіе... Для предохраненія ихъ отъ срѣзовъ». «А книжечка есть». — «Да, вотъ нѣсколько не дописалъ, профессоръ». «Садитесь. Пишите—убить». Идите къ атласу. Сколько болтовъ — тычетъ профессоръ пальцемъ въ одну изъ проекцій. Студентъ начинаетъ считать. «Пишите — легко раненъ. Онъ медленно ориентуруется въ проекціяхъ»... Много было убитыхъ и раненыхъ. Хотя странно — всѣ получили зачетъ. (Кр. Студ. ном. 28. 31 г.).

За анекдоты, громко называвшіеся новыми формами пролетарскаго учета, въ концѣ концовъ отвѣтили «стрѣлочники» — профессора. Имъ было предъявлено обвиненіе въ томъ, что «вмѣсто поднятія эффективности въ учебѣ черезъ активизацію методовъ обученія, чуждая и реакціонная профессура вредительски не требуетъ знаній у студентовъ, не знающимъ студентамъ ставятся зачеты («Красное Студ. 11-12. 31 г.).

Совѣтскіе студенты по окончаніи «классовой» «пролетарской» школы оказались

дѣйствительно въ «анекдотическомъ» положеніи. «Рѣдкій студентъ медикъ 3-го курса, горько жалуется «Сов. врачъ» (послѣ постановленія ЦИК), знаетъ, какъ обращаться со шприцомъ, термометромъ; онъ самъ, уже отвѣтственный врачъ, «ставитъ банки на животъ, ставитъ термометръ, не стряхивая его, учился у няни ставить клизму, у фельшера учился обращаться со шприцемъ и стерильнымъ матеріаломъ». («Красное Студенчество», ном. 39, 31 г.).

«Анекдотично слышать, — говоритъ на собраніи вузовскаго партактива Дзержинскаго района (послѣ опубликованія постановленія ЦИК), профессоръ Козюлкинъ, — инженеръ не въ силахъ закончить проектъ небольшого жилого дома. Онъ не знаетъ... канализаціи» («Красное Студенчество» 19-20. 32 г.).

Профессора потеряли значеніе настолько, что ихъ не знали въ лицо не только студенты, но и преподаватели-консультанты, работающіе при кафедрѣ даннаго профессора. «3-я группа 1-го курса отдѣленія механизации и производства работъ строительнаго института (Ленинградъ) — зарисовываетъ «Красное Студенчество» характерную сценку — занимается по начертательной геометріи. Открывается дверь, входитъ пожилой коренастый, невысокаго роста мужчина, садится. «Это что за дядя»? — спрашиваетъ преподаватель Веллеръ студентовъ. «Не знаемъ», — отвѣчаютъ. «Съ кѣмъ имѣю честь говорить»? — обращается Веллеръ къ вошедшему. «Виксель — зав. кафедрой по начертательной геометріи». Студенты въ недоумѣніи». (Кр. Студ. ном. 22, 31 г.).

Когда подули другіе вѣтры, и студенчество «переключилось» соотвѣтственно измѣнившейся обстановкѣ, стали обнаруживаться еще болѣе изумительныя вещи... «На трибуну выходитъ выпускникъ Немчиновъ и, слегка волнуясь, начина-

еть: «Я много пережилъ, читая это постановление (постановление ЦИК о высшей школѣ) не за себя, за другихъ радъ... Въ теченіе четырехъ лѣтъ я видѣлъ профессора одинъ разъ на «мокромъ процессѣ», учился больше у такихъ почти, какъ я сейчасъ. Отъ этого у меня большіе пробѣлы. Вы счастливыѣ. Вы увидите живыхъ профессоровъ. — Апплодисменты покрываютъ слова оратора» (Кр. Студ. ном. 19-20 1932 г.).

19 сентября 1932 года ЦИК Союза СССР опубликовалъ постановление о Высшей школѣ, отмѣняющее то, что полтора года тому назадъ самъ же декларировалъ въ качествѣ «основъ новой пролетарской школы» (Обращеніе ЦК отъ 3-го сентября 1930 года. Рѣшеніе XVI парт. съѣзда).

«ЦИК союза СССР, — гласитъ постановление, — констатируетъ, что въ результатѣ неправильнаго примѣненія такъ называемаго «бригадно-лабораторнаго метода.. въ практикѣ работы всѣхъ учебныхъ заведеній выявился рядъ крупнѣйшихъ недостатковъ, какъ то: сниженіе индивидуальной отвѣтственности студентовъ за свою работу, обезличка въ учебной работѣ, равеніе на слабыхъ и отстающихъ и установленіе въ рядѣ случаевъ порядка, при которомъ непосредственное общеніе учащагося съ профессурой замѣнялось учебными занятіями студента съ малоквалифицированнымъ руководомъ или бригадиромъ.

ЦИК Союза СССР признаетъ нецѣлесообразнымъ примѣненіе бригадно-лабораторнаго метода въ его современной фактически сложившейся формѣ.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ:

Построить весь учебный планъ въ Высшей школѣ и техникумахъ на слѣдующихъ основахъ:

1) Всемирно усилить лабораторную работу подъ обязательнымъ ру-

ководствомъ преподавателей. (Курсивъ мой И. Л.).

2) Примѣнять лекціи какъ методъ преподаванія, способствующій сближенію учащагося съ профессоромъ, съ тѣмъ, чтобы вслѣдъ за лекціей слѣдовала основательная проработка матеріала подъ руководствомъ ассистентовъ и при обязательномъ контролѣ профессора.

II. Въ цѣляхъ обезпеченія дѣйствительнаго контроля за качествомъ учебы каждого студента въ отдѣльности провести слѣдующія мѣропріятія:

1) запретить всякіе коллективные зачеты студентовъ;

2) возложить отвѣтственность за оцѣнку знаній студентовъ на профессорско-преподавательскій персоналъ и повести рѣшительную борьбу съ фиктивными зачетами...

3) вести, какъ правило, зачетныя сессіи два раза въ годъ въ концѣ весенняго и осенняго семестровъ для предметовъ, по которымъ требуются отдѣльные зачеты.

4) установить на послѣднемъ курсѣ обученія для каждого студента дипломную работу, а во втузахъ — дипломный проектъ съ обязательной защитой его.

III. 1) Вести вступительныя испытанія внѣ зависимости отъ окончанія рабфака, техникума и т. д. для всѣхъ поступающихъ въ выс. учебныя заведенія по математикѣ, родному языку и обществовѣдѣнію.

Завѣдующіе кафедрой назначаются наркоматомъ по конкурсу, организуемому втузомъ (вузомъ) изъ числа лицъ, имѣющихъ профессорское званіе. Преподавательскій составъ (доценты, ассистенты) назначаются и смѣщаются директоромъ втуза (вуза) по представленію руководителя соотвѣтствующей кафедры.

Обезпечить жестокое соблюденіе установленнаго порядка присвоенія учебныхъ

званій (ассистентъ, доцентъ, профессоръ) не по занимаемой должности, а по дѣйствительной квалификаціи, опредѣляемой научными трудами.

2) Предоставить директорамъ учебныхъ заведеній — по представленію профессорско-преподавательскаго состава — права налагать административныя взысканія (предупрежденія, выговоръ устный, выговоръ въ приказѣ) вплоть до исключенія изъ вуза, втуза, техникума въ случаѣ систематическаго нарушенія учебной дисциплины и внутренняго распорядка учебнаго заведенія безъ права поступленія въ высшія учебныя заведенія Союза СССР отъ одного года до 5 лѣтъ...

3) Прекратить досрочные выпуски студентовъ. («Красное Студенчество» ном. 19-20. 32 г.).

«Ударная попытка» создать пролетарскую школу кончилась опредѣленнымъ

проваломъ. Совѣтская школа возвращаетъ къ тѣмъ же началамъ, на которыхъ построена столь презираемая «буржуазная» школа. Отъ пышныхъ деклараций, отъ увѣреній, что «ни въ одной странѣ нѣтъ того, что есть у насъ» осталась только миллионная масса русскихъ юношей и дѣвушекъ — студентовъ вузовъ и втузовъ*) — вмѣсто высшаго образованія «принужденныхъ удовольствоваться занятіями съ малоквалифицированными руководомъ или бригадиромъ». «Шагай, новый человѣкъ» — злѣе самый злѣйшій врагъ не придумаетъ.

И. Лаговскій.

*) По сообщенію «Крас. Студ.» въ 1931 году число обучающихся въ ВУЗ-ахъ и ВТУЗ-ахъ достигало 2.720.000.

(«Кр. Студ.» 4. 32 г.).

Среди книгъ и журналовъ.

«ПУТЬ» № 37-ой.

Первой статьей помѣщена актовая рѣчь отца Сергія Булгакова «На путяхъ догмы». Основная мысль рѣчи — недостаточность свято-отеческаго богословія въ христологіи. Прослѣживая развитіе христологіи въ эпоху 7-и вселенскихъ соборовъ, о. Булгаковъ признаетъ ихъ догматическія опредѣленія, какъ священную ограду богословія, но считаетъ, что богословское раскрытіе христологическаго догмата, несмотря на большія заслуги отцовъ Церкви и даже еретиковъ въ этомъ отношеніи, не получили должнаго завершенія: древнее богословіе, не разрѣшивъ антиноміи божественной и человѣческой природы во Христѣ, лишь формально примирило ее идеей воипостасности и общенія свойствъ. Задача современнаго богословія — положительно обосновать богоче-

ловѣческое единство Христа въ духѣ халкидонскаго догмата. Конечно, дальнѣйшее развитіе христологіи представляется несомнѣнно желательнымъ и необходимымъ, но трудно допустить, чтобы антиномія богочеловѣчества могла быть разъяснена иначе чѣмъ идеей воипостасности и общенія природъ. Мысль Леонтія Византійскаго кажется мнѣ необычайно плодотворной и основанной на глубокой интуиціи. Антиномія же двухъ природъ, какъ бы совершенно ни былъ объясненъ образъ ихъ общенія, непреодолима. Понятіе нѣкой «тварнобожественности», которое одно могло бы снять эту антиномію, противорѣчиво само по себѣ и несовмѣстимо съ ученіемъ Церкви. О. Булгаковъ призываетъ въ своей рѣчи богословствовать примѣнительно къ со-

временному научно-философскому сознанию. Однако, не следовало ли бы намъ не столько думать объ использованіи науки для богословія, сколько стараться самую науку оплодотворить христіанской мудростью.

Въ своей статьѣ «Проблема красоты въ міросозерцаніи Достоевскаго» проф. Зѣньковский доказываетъ, что у Достоевскаго есть двѣ противоположныхъ эстетическихъ теоріи: одна утверждаетъ красоту, какъ начало абсолютное и спасающее человѣка, другая — какъ начало двусмысленное и само подлежащее спасенію. Первая теорія — утопія, зиждущаяся на натурализмѣ Достоевскаго, полагавшаго, что сила спасенія въ самомъ мірѣ. Вторая теорія, не вполне продуманная Достоевскимъ — плодъ его углубленія въ бездну человѣческаго паденія и въ тайну пола. Прежде всего надо отмѣтить, что идея двусмысленности красоты высказана Дмитріемъ Карамазовымъ, мысли котораго рискованно безоговорочно приписывать Достоевскому, а о спасеніи красоты у Достоевскаго нѣтъ ни слова. Но самое главное, что все противорѣчіе въ идеяхъ Достоевскаго проф. Зѣньковскому удастся обосновать только потому, что онъ несправѣдливо заподозриваетъ его въ натурализмѣ. Если и былъ у Достоевскаго натурализмъ, то онъ у него, какъ у писателя, законенъ. Созерцая въ мірѣ мракъ грѣха, Достоевскій сквозь него всегда видѣлъ и первозданную красоту твари, способную вновь возсіяť въ славѣ. Но безъ Бога и безъ Христа Достоевскій спасенія не мыслить. Изъ цитатъ, приводимыхъ самимъ проф. Зѣньковскимъ, очевидно, что, если Достоевскій прославлялъ красоту, то именно потому, что видѣлъ въ ней начало религіозное, благодатное и даже божественное. Онъ не противорѣчитъ себѣ, какъ думаетъ проф. Зѣньковский, когда указываетъ

на двусмысленность въ воспріятіи красоты; красота абсолютна, но представленіе о ней болѣе или менѣе искажено грѣхомъ; тутъ выступаетъ и соблазнъ пола. Но объективно — пользуясь образами Дмитрія Карамазова — красота только въ Мадоннѣ, въ Содомѣ же красоты не больше, чѣмъ добра. Это и утверждаетъ, какъ мнѣ кажется, Достоевскій въ своихъ произведеніяхъ.

По случаю юбилея Спинозы ему посвященъ краткій очеркъ проф. Франка. Авторъ отдастъ должное религіозной устремленности Спинозы, но отмѣчаетъ у него на ряду съ замѣчательными интуиціями неудачность многихъ философскихъ построеній.

Странное впечатлѣніе производитъ статья А. Полотебневой о Францискѣ Ассизскомъ. Начинается статья утвержденіемъ, что св. Францискъ былъ болѣе чѣмъ святымъ — былъ геніемъ духа; кончается же призывомъ почитать память святаго не торжествами, а учрежденіемъ обществъ покровительства животнымъ. Трудно понять, что собственно разумѣтъ г-жа Полотебнева подъ «сверхсвятой» геніальностью духа. Что же касается второго утвержденія, то не уместно ли здѣсь вспомнить слова Спасителя о томъ, что «подобаетъ и сіе творить и того не оставлять».

Еще болѣе странное впечатлѣніе производитъ статья А. Салтыкова «О космическомъ ритмѣ Евангелій». Статья представляетъ изложеніе теоріи нѣмецкаго ученаго Бекка. Сначала трудно даже разобрать, въ чемъ заключается методъ необычайной экзегезы указаннаго ученаго. Насколько мнѣ удалось усвоить, дѣло въ сопоставленіи евангельскихъ событій со звѣздными явленіями, гл. обр., съ прохожденіемъ солнца по зодіакальнымъ созвѣздіямъ. На основаніи такого рода сопоставленій Беккъ истолковываетъ въ нѣ-

кое «духовное знаніе», все содержаніе Евангелій. Г-нъ Салтыковъ находитъ, что методъ Бекка соотвѣтствуетъ древнѣйшей традиціи Церкви и что въ наше время онъ открываетъ широкія перспективы познанія сокровенныхъ тайнъ Евангелія. Конечно, сопоставленіе «космическихъ ритмовъ» съ евангельскимъ повѣствованіемъ вполнѣ допустимо; такимъ путемъ, вѣроятно, можно открыть много любопытнаго изъ области космической символики духовнаго міра, но божественная глубина Писанія открывается только умозрѣнію любви: этотъ путь указывается са-

мимъ Писаніемъ, какъ совершеннѣйшій и единственно дающій познаніе Царства Божія. Поэтому всякія иныя мудрованія, особенно на евангельскія темы неизбежно производятъ впечатлѣніе суеты, почти-что оскорбительной для Слова Божія.

Въ видѣ приложенія къ «Пути» напечатана статья отца Георгія Флоровскаго «Проблематика христіанскаго возсоединенія». О ней скажемъ въ слѣдующемъ номерѣ «Вѣстника».

Фома.

Конференція старшаго отдѣленія «Витязей», (18-20 апрѣля 1933 г.)

Это была скорѣе не конференція, а дѣловое собраніе, занявшееся оцѣнкой зимней работы и намѣчаніемъ задачъ, вставшихъ передъ старшимъ отдѣленіемъ нашей Дружины, въ итогъ истекшаго года.

Конференціи предшествовалъ рядъ совѣщаній Совѣта старшинъ, на которыхъ была выработана какъ програмная, такъ и хозяйственная часть конференціи. Въ подготовкѣ и въ проведеніи конференціи Совѣтъ старшинъ проявилъ исключительную активность. Не преувеличивая можно сказать, что Совѣтъ являлся организаторомъ конференціи.

Въ виду труднаго матеріальнаго положенія организаторамъ пришлось сдѣлать все, что бы свести расходы до минимума: пришлось откааться отъ услугъ повара и готовить пищу самимъ.

На конференцію выѣхали во вторникъ 18-го утромъ. Со станціи пошли строемъ до «ле Менюль» — гдѣ расположились въ баракахъ. Значительная часть пріѣхала на конференцію на велосипедахъ. Всего собралось 30 человекъ.

На открытіи конференціи Н. Ф. Федоровъ, начальникъ Дружины, произнесъ слово на тему «Исканіе героя». На слѣдующій день состоялось собраніе, заслушавшее отчеты старшинъ и затѣмъ обсудившее вопросы внутренней жизни Дружины. Были затронуты вопросы взаимоотношеній Дружины со спортивнымъ клубомъ «Русь», о случаяхъ политической пропаганды въ Дружинѣ и т. п.

По вечерамъ кружокъ «Стрѣлка» устраивалъ, съ помощью другихъ участниковъ конференціи, костры. На второй день за костромъ продолжалась утренняя дискуссія. Были отмѣчены достиженія за истекшій годъ, а также тѣ задачи, которыя стали особенно остро въ настоящее время для старшаго отдѣла, какъ то: приближеніе клуба «Русь» къ Витязямъ и Движенію, урегулированіе взаимоотношеній съ Дѣвичьей Дружиной, вступленіе старшихъ витязей въ Движеніе, изданіе журнала Витязей.

Благодаря очень плохой вѣтреной погодѣ спортивные состязанія не были проведены въ предполагавшихся размѣрахъ.

На третій день состоялось заключительное собрание, принявшее резолюции.

Изъ «де Менюль» пошли на станцію снова пѣшкомъ и вернулись въ Парижъ 20-го вечеромъ.

Въ общемъ конференція прошла хорошо, несмотря на то, что было такъ холодно, что вода въ кранахъ замерзала. Это мѣшало какъ успѣшности собраний, такъ и проведенію состязаній.

Письмо въ Редакцію.

На безчисленные привѣтствія, полученные мною ко дню моего семидесятипятилѣтія изъ всѣхъ странъ нашего вынужденнаго временнаго разсѣянія, мнѣ, къ сожалѣнію, приходится отвѣчать не каждому лично, а только настоящимъ, обращеннымъ къ редакціямъ русскихъ газетъ за-границей, письмомъ. Я сердечно признателенъ всѣмъ почтившимъ меня своими телеграммами и письмами за этотъ знакъ вниманія, относя его не къ себѣ и не къ своимъ заслугамъ, конечно, а къ тому дѣлу большого національнаго значенія, какое зелою Божіею выпало на мою долю за рубежомъ. Благодарю и русскую эмигрантскую молодежь, еще учащуюся и уже кончившую свое ученіе въ высшей школѣ за-границей, которая такъ трогательно въ эти дни выражаетъ мнѣ свои добрыя чувства. Особенно трогаютъ меня всѣ тѣ, которые пожелали, въ отвѣтъ на мое воззваніе, зная трудное теперешнее положеніе русскаго студенчества и пекущагося о немъ Центральнаго Комитета по обезпеченію высшаго образованія русскому юношеству за-границей, реально притти ему на помощь и прислать мнѣ свою лепту на это благое дѣло. Мнѣ очень дорога и радостна всякая самая малая лепта, ибо она сви-

дѣтельствуешь въ это матеріально столь трудное для всѣхъ время о сознаніи каждымъ, творящимъ эту жертву, всей важности подготовки новыхъ культурныхъ кадровъ для будущей свободной Россіи, подготовки смѣны и намъ и всѣмъ безвременно погибшимъ русскимъ интеллигентнымъ силамъ. Это лучшее свидѣтельство объ общественномъ признаніи важности выполняемой Центральнымъ Комитетомъ задачи.

Начавшійся общественный реальный откликъ на мой призывъ уже и сейчасъ позволяетъ считать обезпеченной майскую выплату стипендій русскимъ студентамъ. Я твердо вѣрю, что дальнѣйшіе взносы помогутъ Центральному Комитету получить необходимую студенчеству поддержку и на самый трудный іюньскій экзаменаціонный періодъ и тѣмъ успѣшно закончить текущій учебный годъ.

Эта общественная поддержка руководимаго мною дѣла является лучшей для меня наградой за выполняемый мною общественный долгъ, и я горячо благодарю за нее всѣхъ, поддержавшихъ руководимое мною дѣло.

Михаилъ Федоровъ.

ЦѢНЫ НА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

Цѣлая страница	60 фр.	Четверть страницы	20 фр.
Половина страницы	30 >	Восьмая ч. >	10 >

Редакторъ: **И. Лаговскій.**

Адресъ Редакціи: **I. LAGOVSKY, 10, Boulevard Montparnasse, Paris (XV).**

Тѣл.: **Ségur 31-68.**

Изданіе **Р. С. Х.** Движенія за Рубежомъ

ПРАВОСЛАВНЫЙ РЕЛИГИОЗНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЕЖЕМЪСЯЧНИКЪ

„ВѢСТНИКЪ“

Органъ русскаго Студенческаго Христіанскаго Движенія за Рубежомъ
(восьмой годъ изданія).

Особое вниманіе обращено на освѣщеніе церковной жизни въ сов. Россіи, на хроникѣ антирелигіозной пропаганды. Имѣется отдѣлъ посвященный вопросамъ религіозно-національнаго воспитанія русскаго юношества въ эмиграціи.

Можно выписывать бесплатно пробные номера.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ

	на годъ	отд. №		на годъ	отд. №
Во Франціи съ колон.	30 фр.	3.—фр.	Въ Румыніи	220 лей	20 лей.
Въ Англіи	6 шил.	6 пен.	(при условіи посылки заказной бан-		
» Бельгіи	9 белг.	0.80 б.	деролью 300 лей въ годъ).		
» Болгаріи	140 левъ	15 л.	Въ Финляндіи	1.50 дол.	0.15 дол.
» Германіи	5.50 мар.	0.50 м.	» Чехословакии	45 кр.	4 кроны
» Италіи	26 лиръ.	2.50 л.	» Эстоніи	5 кр.	0.50 кр.
» Латвіи	6.50 латъ	0.60 л.	» Югославіи	65 дин.	6 динар.
» Литвѣ	13 литъ	1.20 л.	Остальн. страны	1.50 ам. д.	0.15 дол.
» Польшѣ	12 злот.	1.10 з.			

Рабочіе и студенты во всѣхъ странахъ, исключая Америку, Англію, Швейцарію, Италію, англійскія колоніи и Дальній Востокъ, при условіи подписки на годъ, могутъ пользоваться скидкой (годовая плата 1 американ. долларъ).

Деньги въ редакцію можно посылать почтовымъ переводомъ, чекомъ, или въ заказномъ письмѣ, въ любой валютѣ.

Пріемъ рукописей, объявленій, выдача справокъ и указаній, а также полученіе подписной платы производится:

АМЕРИКА: 1) N. Stember. 56. East 122 nd str. NEW-YORK. City.

2) T. Karpovitch, 67 Walker st. CAMBRIDGE.

3) Rt. Rev. A. Viacheslavoff, 1520, Green Str. San-Francisco Calif.

АНГЛІЯ: V. Rastorgoueff, 80, Marchmont Str. LONDON W. C. I.

БОЛГАРИЯ: Е. Наумовъ, СОФИЯ. Регентска 38.

БЕЛЬГІЯ: Mme M. A. Petroff, Jette St.-Pierre, Hopital Brugmann. BRUXELLES.

ГЕРМАНИЯ: 1) A. Pawlowitsch, Tempelhofer Ufer, 18II, BERLIN, S.W. 61.

2) Fürst D. Obolensky. Carlovitzstr. 15 DRESDEN.

3) W. Schwesoff Bahnhofstr. 6. II FREIBERG I. Sa.

КИТАЙ: 1) В. Коченева, Почтовая ул. между Гириной и Цицикарской; домъ М. И. Мещерскаго. HARBIN.

ЛАТВІЯ: 1) N. Litvin, Turgeneva iela 21a, dz. 8. RIGA.

2) M-ele P. Krukovsky Krasta iela 21. DAUGAVPILS.

ПОЛЬША: 1) E. Polonska, Ateje Ujazdowskie 6/8 Obserwator. Astron. Warszawa. 2) «Dobro», ul. Krakowskie Przedmiescie 53. WARSZAWA.

ФИНЛЯНДІЯ: 1) A. Schavoronkovar Luostarinkatu 9 as. 2. VIIPURI. 2) M. Reiche, KELLOMAKI.

ФРАНЦІЯ: 1) Въ редакціи Вѣстника 10, Bd. Montparnasse, PARIS. XV.

2) A. Bogatskoy, 7, Av. Thérèse E-te Perrimond Nice. A. M.

ЧЕХОСЛОВАКІЯ: 1) S. Malloj, 271. Belohorska, Brevnov. PRAHA.

2) V. Voskobochnikov. Krajsinsky urad odd. Mostné Belnayova 1-3 BRATISLAVA.

3) A. Vissarionoff, 18, Kralovopolska Zabovresky. BRNO.

ЭСТОНІЯ 1) N. Golubeva. Toomvaestekooli 15-6. TALLINN.

2) H. Lange. TARTU. Kalda t. 10.

3) S. Nikitin. NARVA. Kooli t. 3.

4) A. Petchnikova Smolenskaja 28, PETSERI.

РУМЫНІЯ: L. Gloukhoff. Tescani, jud Bacau

ЛИТВА: E. Sokolsky, Italijos 56 KAUNAS

ЮГОСЛАВІЯ: N. Ribinski, Kosovska, 51. BEOGRAD.